

Белый конь на принце

Автор:

Дарья Донцова

Белый конь на принце

Дарья Донцова

Любительница частного сыска Даша Васильева #37

Что делать, если в доме завелся домовый-озорник – важные документы все время пропадают неизвестно куда? Их нужно надежно спрятать!.. Перед посещением банка Даша Васильева наведлась к доктору, который сделал ей «уколы красоты», и в зал для vip-клиентов ее не пустили – лицо чудовищно распухло. А пока выясняли, кто этот монстр с паспортом Даши Васильевой, в банке произошло ограбление! Нападавшие забрали самое дорогое – папку с бесценными документами. Идти домой, рвать на себе волосы и каяться родным во всех грехах нельзя! Иначе не оберешься насмешек – и за дурацкий внешний вид, и за неподражаемый талант все терять и забывать. Нет, Даша сама попробует найти бандитов и потребует вернуть ей бумаги. Нереально? Только не для любительницы частного сыска!

Дарья Донцова

Белый конь на принце

Глава 1

Каждая хорошая жена должна непременно помогать мужу стать самостоятельным.

Я прислонилась к большой мраморной доске, на которой в специальных подставках белели образцы заполнения разных банковских документов. Я не верю в приметы, но недавно заметила, если утром, проснувшись, подумаю: «Какая чудесная погода», то через полчаса налетит ураган и поломают в Ложкине деревья. Еще хуже будет, если в голову заскочит мысль: «У меня на сегодня намечено всего одно небольшое дельце, быстренько разберусь с ним, потом смотаюсь в книжный магазин, накуплю детективов и с ощущением полного счастья лягу на диване». Подобные размышления госпоже Васильевой нужно пресекать на корню, потому что стопроцентно все пойдет не так, как ожидалось!

Я закрыла глаза и попыталась внушить себе, будто нахожусь в нашей гостиной в окружении собак в компании с чашечкой горячего какао. Мне хорошо, уютно, спокойно... Вот только до трясучки раздражает орущий во всю мощь телевизор! Ну кому пришла в голову мысль включить звук на полную громкость?

Внезапно заныла спина, я сменила позу и открыла глаза. Нет, как ни старайся, обмануть себя не получается! Я нахожусь в банке, жду, когда ко мне наконец-то соизволит выйти представитель vip-отдела, чтобы разрешить идиотскую ситуацию, в которую я попала. Заодно слушаю, как мужчина средних лет, одетый в дорогой костюм, рычит на девушку, сидящую за окошком с надписью «Касса».

– Сколько можно твердить! Это платежка за детский сад моего сына! Почему я не могу внести деньги?

– Простите, этот документ недействителен, – вежливо прозвучало в ответ.

– Еще чего! Зачисляй бабки! – повысил голос хам.

– Извините, операцию осуществить невозможно, – сохраняя профессиональную корректность, сообщила кассирша. – Вы мне даете квитанцию старого образца.

– Какая, блин, разница! – заорал посетитель с такой силой, что одна из вошедших в зал клиенток, симпатичная стройная девушка лет двадцати, вздрогнула и уронила сумочку. – Некогда мне бла- бла-бла разводить, – не утихал грубиян, – не видишь, кто перед тобой? Непонятно? Не бомж, а деловой

человек. У меня каждая секунда на счету.

Девушка попыталась еще раз объяснить ему ситуацию:

– Вы предлагаете перевести платеж в адрес «Муробанка», [1 - Название банка придумано автором, все совпадения случайны.] но он два года назад обанкротился. Очевидно, вам по ошибке вручили не тот квиток. Какой садик посещает ваш сын?

– Детский! – гаркнул посетитель. – Парню четыре года.

– Учреждение находится в нашем районе? – уточнила кассирша.

– Нет, на Марсе, – взвился грубиян, – на ракете пацана туда доставляем!

Я с сочувствием покосилась на кассиршу. Не повезло бедняге, с таким типом намучаешься!

– Если сообщите название или номер садика, – не дрогнула девушка, – я попробую вам помочь.

Мужик схватил мобильный. Через пару секунд его громкий бас опять оглушил присутствующих, теперь заботливый отец орал на жену:

– Танька! Дрыхнешь? Мне насрать, что у тебя температура! Немедленно скажи, в какой садик ходит Мишка. Не вешай трубку! Из-за твоей глупости я в банке застрял. Ага, жди, сейчас... Девушка, сад – «Елочка».

Кассирша заморгала:

– «Елочку» давно закрыли, из частных заведений у нас в районе остались лишь «Золотой ключик» и «Панда». [2 - Все названия придуманы автором, совпадения случайны.]

– Дура! – завизжал в трубку ласковый муж. – Ни фиги запомнить не способна! Кто просил за садик заплатить? Девушка, поговорите с ней сами, я не могу!

Кассир взяла трубку.

– Татьяна? Извините, нужна ваша консультация по квитанции. Ага, да, о-о-о! Понятно!

Мобильный вновь очутился у разъяренного супруга, банковская служащая потупилась:

– Татьяна уверяет, что вы ошиблись, взяли на оплату книжку, которую она на всякий случай не выбросила, открыли не тот ящик в ее столе. Ваш сын Михаил уже школьник, деньги надо отдать за гимназию, мальчику восемь лет.

Я постаралась не рассмеяться во весь голос. Бизнесмен побагровел, развернулся и пошел к выходу, по дороге он кричал в телефон:

– В следующий раз, когда заболеешь, сама по делам погрешься! Идиотка! Какого хрена ты сама не дала мне то, что надо?

– Извините за задержку, – прозвучало у меня над ухом, – могу чем-то помочь?

– Верочка! – обрадовалась я, увидев красавицу с огромными глазами и копной каштановых кудрей. – Как хорошо, что это вы! Представляете, меня не впустили в вип-отдел. Вы начальница и решите проблему мгновенно! Я без претензий, но что случилось с охраной? Секьюрити меня знают, всегда приветливо здороваются, давно перестали спрашивать пропуск, а сегодня с каменными лицами не разрешили войти, поэтому я спустилась на лифте сюда и...

Вера не дала мне договорить:

– Вы наш вип-клиент? Представьтесь, пожалуйста.

Вот тут я растерялась, но ответила:

– Дарья Васильева.

– Паспорт при себе? – спросила Вера.

– Пожалуйста, в придачу еще права и пять кредиток вашего банка! – хмыкнула я. – Две золотые, две платиновые, одна черная «Инфинити».

Верочка взяла документы, пару минут изучала их, потом неуверенно спросила:

– Дарья?

– Да, – кивнула я.

– Это вы? Лично?

Более глупого вопроса от человека, который сто лет знает не только меня, но и Аркашу, Машу, Зайку, Дегтярева и даже нашу домработницу Ирку, было трудно ожидать. Может, резкая смена погоды с тепла на холод повлияла на мозги сотрудников банка? Надо проявить снисхождение и понимание.

– Верочка, – ласково сказала я, – если всех бумаг, предъявленных вам для идентификации моей личности, недостаточно, то вспомните: ваш банк обзавелся суперсовременными ячейками, которые открываются, сканируя глаз владельца. Пойдемте в подвал, я постою перед камерой, и все сомнения в отношении меня растают.

– Господи, что с вашим лицом? – вытаращила глаза Вера. – Ужасно!

В голосе ее звучала такая тревога и столь безграничное удивление, что я вытаскивала из сумочки зеркало, посмотрела в него и ахнула:

– Кто это?

Вопрос был чисто риторический, я прекрасно знала ответ. Но скажите, как реагировать, если вместо давно знакомой, отлично изученной, родной мордашки вы видите одутловатую подушку, покрытую мелкими красными точками, вокруг которых разливаются серо-синие пятна? В нижней части того, что еще утром было пусть не самым красивым на свете, но вполне приятным лицом, торчал клюв утенка, больного водянкой. О состоянии носа и глаз ничего сказать не могу, их как будто стерли ластиком, они были почти не видны из-за опухших щек и век.

– Я узнаю уши, – испуганно сказала Вера, – в мочках ваши любимые серьги от Картье. Маленькая родинка тоже ваша. Дашенька, вы попали в аварию?

– Ага, – прошептала я, – шла по улице и угодила головой под асфальтовый каток. Шутка! Это... э... э...

Фантазия иссякла. Меньше всего мне хотелось признаваться Верочке, где я провела раннее утро.

В начале лета я случайно столкнулась в кафе с Элей Москвитиной и была поражена цветущим видом старинной знакомой. На все мои вопросы Элька загадочно закатывала глаза, несла чушь про привезенный из Китая супер-пупер-крем, но потом не выдержала:

– Никому не расскажешь?

– Даже под пытками не раскрою рта, – поклялась я, сгорая от любопытства.

И Москвитина раскололась. Несколько раз в году в Москву из Лос-Анджелеса прилетает чудо-доктор Вилли, принимает он в небольшом кабинете, адрес которого дает только своим.

– Вилли творит чудеса! – восхищалась Эля. – У него волшебные руки и последние средства для инъекций по восстановлению красоты.

– Наверное, это больно, – поежилась я.

Москвитина выпятила губу:

– А круговая пластика лучше? Четыре часа под общим наркозом, швы размером с палец, стянутая кожа. Будущее за инъекциями. Вот у меня во лбу ботокс, вокруг глаз тоже, в носогубных складках гель. Ты знаешь, что к сорока годам губы теряют почти половину своего объема? А круги под нижними веками?

– Ты выглядишь не старше своей невестки, – признала я.

– Нашла с кем сравнить! – фыркнула Эля. – Алка жуткая коровища! А вот ты в последнее время сдала. Подбородок отвис, овал лица поплыл, брови опустились. М-да! Старость не радость! Ну, я побежала!

Когда Москвитина исчезла за горизонтом, я отправилась домой, заперлась в ванной, тщательно изучила свою внешность в зеркале и неожиданно расстроилась. Да, мне не двадцать лет и, если уж совсем честно, далеко не тридцать, но еще месяц назад я выглядела намного лучше. Либо в ванной ввернули более мощные лампочки, либо я старею с космической скоростью. Конечно, я знаю, что впереди меня ждет естественная трансформация внешности, но пока я морально не готова перейти в разряд благородных бабушек. Я не актриса, не певица, не зарабатываю на жизнь своей красотой и, в принципе, могу спокойно жить дальше: домашние будут любить Дашеньку, даже если вся она, с головы до ног, включая пятки, обрастет кудрявой, как у нашей пуделихи Черри, шерстью. Беспокоиться по поводу изменения отношения ко мне близких нечего, но... почему мне так неприятно?

Настроение было испорчено начисто. Я спустилась в столовую.

– Чего скуksилась? – спросила Зайка, нарезаая творожную запеканку.

Надо было соврать про приближающуюся мигрень, но я неожиданно ответила правду:

– Я насчитала у себя кучу морщин! В ближайшие месяцы превращусь не просто в печеное яблочко, а в такое, которое сначала подержали в духовке, а потом пожевали!

– Глупости, – тут же возразил Аркадий. – Ты, мать, не меняешься, осталась такой, как двадцать лет назад.

– Хотелось бы, – вздохнула я, – но, когда видишь человека каждый день, трудно быть объективным. Я слышала, сейчас делают какие-то уколы.

Аркадий отложил вилку.

– Надеюсь, ты не собралась вкачивать в себя силикон? Включи телик и посмотри на поп-звезд! Отвратительное зрелище.

– Ботокс – яд, – тут же вмешалась Маша. – Никто пока не может сказать о последствиях его длительного применения.

– Не вздумай идти на процедуры, – запретила Зайка. – Изуродуешься, потом придется остаток жизни лечиться! Зачем тебе разглаживать лицо? Ты не сидишь в студии под софитами, не торгуешь своей мордой!

Несмотря на то что Зайка использовала аргумент, которым я сама недавно утешалась, легкая досада все же царапнула мою душу. Если согласиться с Ольгой, то из ее рассуждений логично вытекает: мне не надо чистить зубы, ставить коронки и приклеивать виниры! Изображение госпожи Васильевой не транслируют на всю Россию, следовательно, мамо, натягивайте фланелевый халат, не ходите в парикмахерскую, не покупайте косметику, можете даже не принимать душ, и так сойдет!

Ну уж нет! И я ринулась в бой.

– Если есть возможность достойно выглядеть, зачем ею пренебрегать?

Домашние переглянулись, выстроились боевым клином и пошли на меня, бряцая мечами, копьями и ядерными боеголовками.

– Глянцевое лицо, без следов времени, только сильнее старит человека, – объявил Кеша, – делает его похожим на пластмассового пупса.

– На коже останутся шрамы, следы от уколов, возможна аллергическая реакция, – перечислила осложнения Маня.

– Сейчас в Москве полно шарлатанов, – вторила им Зайка, – называют себя иностранными именами, используют незарегистрированные препараты.

– У Шабановых с пятого участка дочь себе грудь увеличила, – влезла в беседу Ирка, притащившая в столовую чайник, – полетела после этого в Америку, а имплант тот в воздухе взорвался. Она чуть не померла, самолет из-за нее в

Испании сажали, теперь авиакомпания от Шабановых уйму денег требует! Вот отправитесь в Париж, и получится то же самое! Губы по салону разлетятся, морщины треснут!

– Это навряд ли, – хихикнула я. – Хотя насчет увеличения бюста я не подумала! Суперидея!

– Мать, – подскочил Аркадий, – грудь-то тебе зачем?

Действительно! Всю жизнь хожу с минус первым размером – и никакого чувства ущербности. Четыре счастливых замужества и ни одной мысли о собственном несовершенстве. Я всегда походила на стиральную доску, но это была молодая стиральная доска, а теперь постаревшая. Почувствуйте разницу!

Домашние возмущались около часа, вернулись к интригующей теме и назавтра, затронули вопрос об инъекциях в пятницу, субботу, воскресенье. Надеюсь, теперь вам понятно, отчего в понедельник я позвонила Эле Москвитиной и попросила устроить мне прием у доктора Вилли.

Ждать чудодея пришлось до октября, счастливый день настал сегодня. Ровно в восемь утра я спустилась в кухню и сказала зевающей Ирке:

– Еду на день рождения к Наташе Расковой, вернусь поздно!

– Уж лучше погулять, чем ни фиги не делать, – философски заметила домработница. – Посидите в гостях подольше, пока вас нет, я окна на втором этаже помою.

Вдохновленная этим напутствием, я поехала на прием.

Доктор Вилли оказался маленьким рыжим толстячком с крохотными ручками.

– Ваш случай небезнадежный, – на хорошем русском языке с едва уловимым акцентом сказал он. – Давайте начнем с программы-минимум. Серия уколов чуть-чуть увеличит губы, посторонние даже не поймут, в чем дело, только заметят, что вы стали на пять лет моложе!

– Лучше на десять, – попросила я.

– Можно и на пятнадцать, – рассмеялся Вилли, – но это в следующий раз, не будем гнать лошадей.

Тех, кто решил колоть ботокс, сразу предупреждаю – это больно, но терпимо. Вот инъекция в губы, хоть врач и намазал их специальным обезболивающим кремом, оказалась едва выносимой. Но чего не сделаешь ради возвращения молодости!

– Через полгода встретимся вновь, – пообещал Вилли. – Легкое покраснение пройдет к обеду, полностью эффект омоложения проявится спустя три дня, но уже через час вы удивитесь, какой гладкой и натянутой станет ваша кожа!..

И вот я оцепенела с зеркалом в руке. Нужно признать: доктор Вилли не обманул пациентку: «гусиные лапки» и небольшие морщины около рта исчезли, на туго набитой подушке не бывает складок, а ведь мое лицо и выглядело именно как думка, покусанная пчелами!

Вера осторожно кашлянула. Я очнулась и попыталась выпутаться из глупейшего положения:

– Охранники были правы! Узнать меня невозможно. Возьмите папку с моими документами и удостоверьтесь, что они все тут: права, паспорт, кредитки. Я заглянула недавно в кафе, съела там салат, и вот результат – аллергия.

– Замечательно выглядите, – отвесила мне лживый комплимент начальница вип-отдела. – просто небольшой отек.

Я попыталась улыбнуться, но клюв не пожелал растягиваться.

– Сейчас куплю в аптеке супрастин.

– Правильная мысль, – кивнула Вера. – Пойдемте в вип-зал.

Я кивнула и сделала шаг к небольшому фойе, расположенному между входными дверями в банк, – там находится лифт, на котором я приехала в этот зал.

– Даша, не туда, – остановила меня Вера, – лучше воспользуемся служебным, он справа, за кадкой с фикусом, впрочем, не знаю, как называется это растение.

Я резко повернулась и больно ушиблась об угол большого стола, за которым сидела симпатичная темноволосая девушка, та самая, что уронила сумку, услышав крик скандального мужчины. В зале было мало посетителей. Чуть поодаль, у закрытого окна с номером два, стояла старуха в круглых очках, правой рукой она крепко держала девочку лет шести в ярко-синей курточке. У противоположной стены около стенда с рекламой топталась дама позднего пенсионного возраста со старомодно начесанными и уложенными «башней» волосами.

Вера вынула из кармана магнитный пропуск– карточку, и тут в холле раздался громкий, какой-то механический квакающий голос:

– Всем на пол! Это ограбление! Кто пошевелинется, стреляю без предупреждения!

Следом раздалась короткая автоматная очередь.

Глава 2

Я, словно скошенная маргаритка, рухнула на пол и быстро заползла под массивный стол. А еще встречаются люди, которые, презрительно сморщив нос, говорят: «Надо запретить показывать по телевизору детективные сериалы, они пробуждают в человеке зверя, вызывают агрессию!» Почему-то никто не говорит о просветительской роли криминальных лент! Лично я узнала в процессе просмотра любимых фильмов много полезного и сейчас применила эти знания на практике. Главные герои хита «Переговорщик» постоянно восклицают: «Если вы стали заложником, не впадайте в панику, не спорьте с бандитами, не пытайтесь убежать, не геройствуйте. Выполняйте приказы мерзавцев, постарайтесь не привлекать к себе внимание. Во время стрельбы прячьтесь в любое укрытие, в первую очередь обезопасьте голову. Без руки или ноги, конечно, жить неприятно, но можно, а вот без башки вернуться домой не получится. Не приближайтесь к окнам, можете оказаться на линии огня полицейского

снайпера. Осторожно понаблюдайте за террористами, попытайтесь запомнить побольше деталей, любая мелочь может впоследствии помочь поимке бандитов!»

Я слегка повернула голову и увидела две фигуры, одетые в черное. Одна, держа небольшой автомат, шла к кассе, вторая двигалась к столу. Я вжалась в пол.

– Эй, – прошептали справа, – чего там? Блин, упала и укатилась!

Я скосила глаза, обнаружила рядом темноволосую девушку и одними губами ответила:

– Банк грабят. Лежи молча, есть шанс, что массивный стол спасет нас от пуль.

– Угарно, – прошелестела незнакомка.

– Деньги, – полетел по залу все тот же скрипучий голос, – живо в сумку, не тормози. Эй! Снимай!

И я, и девушка лежали головами под столом, а наши ноги высывались наружу. Мне пришлось осторожно сместиться влево, чтобы лучше видеть происходящее в зале. Один грабитель сгребал с мраморного прилавка кассы пачки купюр, второй снимал кольца с пальцев блондинки с начесом. Негодяи решили не только потрясти банк, но и ограбить клиентов, среди которых были лишь женщины и маленький ребенок. Двое охранников замерли на полу у входной двери, они не шевелились: то ли ранены, то ли слишком напуганы.

Я подтянула руки к голове и попыталась снять цепочку. Пару месяцев назад Маша помогала нашим соседям Сыромятниковым, у которых прооперировали кота. Бедному животному требовалось два раза в день делать уколы, перевязки, обрабатывать шов. Манюня в этом году поступила во Франции в Ветеринарную академию, прошла без конкурса как победитель практически всех олимпиад, которые устраивало это учебное заведение. Маша отлично справилась с задачей. Перс благополучно выздоровел, а банкир Сыромятников вручил ей конверт со словами:

– Добрые соседские отношения не подразумевают эксплуатации. Любой труд требует оплаты.

Это были первые заработанные Маней рубли, и она решила купить мне подарок. Выбор пал на бижутерию. Маруся приобрела кулон в виде сочной груши. Желтый фрукт имел темно-коричневую веточку с двумя листочками, щедро усыпанными блестящими зелеными камушками, и ушко для тонкой цепочки. Когда Манюня отдала мне коробочку, я чуть не разрыдалась от умиления, надела украшение и с тех пор не снимаю его, даже когда ложусь спать, – считаю своим талисманом. Маленькая деталь – фирма, изготовившая «грушу», славится копиями эксклюзивных драгоценностей. Не знаю, как пираты решают вопрос с авторскими правами, но они бойко выпускают на рынок двойники кольца, диадемы, кольца, серег, полностью повторяя дизайн бешено дорогих украшений.

«Груша» была представлена уважаемым ювелирным домом в качестве эксклюзива, в оригинале она выполнена из платины со специальным покрытием, украшена большим количеством изумрудов и желтых бриллиантов. Вроде бы ее купил кто-то из арабских шейхов для своей жены. На шее у меня подделка с дешевыми стразами, но мне она дороже всех сокровищ Алмазного фонда. На беду, кулон очень правдиво имитирует подлинник, сейчас мерзавцы дойдут до стола и непременно отнимут мой талисман – он посмотрится как настоящий!

Я стянула цепочку, судорожно осмотрелась, увидела чуть поодаль корзину для мусора, подползла к ней и закопала Манин презент в груде испорченных квитанций.

На душе сразу стало легче, я перевела дух и повернула голову. Девушка по-прежнему лежала на полу, ее ноги торчали из-под стола. Грабитель спокойно переступил через них, нагнулся и велел мне:

– Эй, снимай серьги и часы!

Я высунулась из-под столешницы:

– Вы мне говорите?

Черная фигура погрозила автоматом:

– Вякни еще!

Я живо вытащила из ушей подвески.

– Забирайте, но хочу вас предупредить: серьги дорогие, а часы копеечные, и в сумке нет ничего ценного.

Рука, схватившая с моей ладони золотые розочки, усеянные бриллиантами, на секунду замерла, я увидела на кутикуле крохотное розовое пятнышко и ощутила резкий запах дешевого парфюма.

Бандит засунул добычу в карман куртки. Я не могла рассмотреть даже цвета его глаз. Голову парня обтягивал черный шлем, а в прорези, через которые он дышал и смотрел на мир, была вставлена сетчатая ткань. В следующую минуту по залу полетел скрипучий голос:

– Серега! Не бери дрянь! Там «Милли» лежит и последняя «Шанель»!

Я постаралась не ойкнуть от удивления. «Милли» – это фирма-производитель моих очень дорогих перчаток. При первом удобном случае расскажу, где купила аксессуар, стоящий нереальных денег.

Мерзавец схватил мою сумочку. На секунду мне стало жалко симпатичный бежевый ридикюльчик на цепочке. Между прочим, он тоже от «Шанель», правда, я купила его в Париже, поэтому отдала за него меньше денег, чем московские модницы. Надо было не бросать сумку на стол, а лезть под него глубже, прихватив ее с собой, но в момент ограбления трудно трезво мыслить.

Бандит, держа добычу, шагнул влево, я тоскливым взглядом провожала любимую сумочку. Преступник чувствовал себя уверенно, второй тоже не стеснялся, он успел сгрести у кассы деньги. Время остановилось, люди двигались будто в замедленном темпе, в зале неожиданно воцарилась тишина, или это я оглохла, но глаза фиксировали происходящее.

Маленькая девочка, почему-то одна, ковыляла через зал. Вера Касаткина встала на ноги, сделала шаг к ребенку, второй...

Первый грабитель застыл посередине зала и принялся вновь палить из автомата. Я испугалась еще сильнее, начала отползать глубже под стол, нечаянно толкнула мусорницу, та опрокинулась, из нее посыпались скомканные бумажки. Я, сжавшись в комок, ощутила в районе бедра боль и услышала «чпок», такой звук издает бутылка шампанского, открытая умелым официантом. Вера изогнулась и медленно опустилась на пол. От ужаса я затряслась, бедро заболело сильнее, я отползла еще дальше и наткнулась на девушку, которая ухитрилась развернуться, теперь ее ноги были под столом, а голова и руки торчали наружу, и она тоже смотрела на упавшую Веру.

Бандиты вылетели из зала на улицу, вокруг воцарилась мертвая тишина.

Но через минуту поднялся визг, послышался оглушительный детский рев, мат, мы с темноволосой девушкой обнялись и будто вросли в плитку, я стала молиться, незнакомка, очевидно, тоже. Потом в поле зрения появились ноги, обутые в грубые черные ботинки. Корзинка для бумаг была отброшена в сторону и покатилась. В зале снова наступила тишина.

– Граждане, – нарушил ее хриплый баритон, – вставайте, кто может! Опасность миновала.

В ту же секунду я опять почувствовала резкую боль в бедре, встала на четвереньки и увидела, что именно травмировало мою ногу: спрятанная в корзинке «груша» выпала и оказалась подо мной. Наверное, это случилось в тот момент, когда я, ошалев от испуга, искала под столом наиболее укромное местечко.

Дрожащими руками я схватила талисман, надела его на шею, скрепила застежку и попыталась принять вертикальное положение. Мои глаза словно жили отдельно от меня, они зафиксировали рыдающую кассиршу, старушку, обнимающую девочку в синей курточке, даму, чья искусно уложенная башня из волос развалилась на отдельные пряди, темноволосую девушку, выползающую из-под стола, охранников, по-прежнему лежавших на полу, пять здоровенных парней в черной форме местных секьюрити и Веру в луже крови. Оцепенение мигом покинуло меня.

– Ее ранили! – закричала я, бросаясь вперед.

Кто-то схватил меня за талию.

– Стойте!

– Почему вы не вызываете «Скорую»? – возмутилась я. – Это Вера Касаткина, начальница VIP-отдела банка.

– Мы знаем, – ответил парень. – Вы с ней знакомы?

Отличный вопрос, если учесть, что секунду назад я громко назвала имя и фамилию раненой!

– Сейчас нет времени на пустую болтовню, немедленно звоните врачам, – топнула я ногой.

– Они уже едут, – сказал молодой мужчина и отвел глаза.

Дверь в зал открылась, появился еще один боец с куском брезента в руках, без слов он набросил его на Веру, прикрыв ее с головой.

Я снова осела на пол.

– Вам плохо? – уже участливо спросил юноша.

– Ей просто здорово, – зло ответила темноволосая девушка, встав около меня, – она каждый день валяется на грязном полу и видит трупы. Более глупые вопросы есть? Лучше усади человека на стул и принеси ей кофе вон из того автомата.

Около получаса мы просидели в зале, а потом примчался Михаил Федорович, управляющий банком, и отвел всех в свой шикарный кабинет. Вышколенная секретарша подала чай, конфеты, печенье, бутерброды, девочке принесли детский творожок и кефир, прибежал врач с аппаратом для измерения давления и полной сумкой лекарств.

– Кошмар! Ужас! – экзальтированно твердил Михаил Федорович. – Беда! Несчастливая Вера! Она сегодня работала последний день! Ее с повышением перевели в филиал!

Слава богу, девочка не плакала, а ее бабушка не устроила истерику. Мы с темноволосой девушкой познакомились, мою подругу по несчастью звали Анастасией.

– Понес меня черт за мобильный платить, – вздыхала Настя. – Сегодня зарплату дали, я испугалась, что деньги потрачу, а тут по дороге банк, ну и забежала. Лучше б я туфли купила. Не умерла от страха только из-за родителей, как им без меня жить? Вот влипла. Унесли, гады, мою сумку! Там все бабки! Похоже, и твою прихватили!

Я кивнула:

– Да, но, к счастью, там была только косметика, расческа... Документы я за пару секунд до налета отдала несчастной Вере, вероятно, мне их скоро вернут. О боже! Сумка!

– Что? Очень дорогая? – спросила Настя. – Эксклюзив по спецзаказу? Муж орать будет?

– Намного хуже, – простонала я, – супруга у меня нет, зато есть невестка, Оля, дома ее зовут Зайка.

– Мило, – улыбнулась Настя, – обычно снохи получают другие клички.

– Зая работает на телевидении, она звезда, ведет спортивную программу, поэтому обязана безупречно выглядеть. Оля тщательно следит за собой, лишнюю крошку хлеба не съест, и она еще очень молода, никаких проблем с морщинами. Одна беда, в детстве Зайку отдали в секцию фигурного катания, она там прозанималась всего неделю, упала и выбила два передних зуба, уже не молочных.

– Ничего себе повезло! – присвистнула Настя.

– В те времена в стоматологии не было современных материалов, – сказала я, – а врачи не отличались особым мастерством. Прибавь к этому отсутствие хороших обезболивающих, и станет понятно, почему девочке дырку в челюсти прикрыли кое-как. Плохие штифты иногда выпадали, в конце концов Зая решилась поставить импланты. К слову сказать, она жутко боится дантистов.

– Я тоже, – кивнула Настя, – меня прямо всю крючит по дороге к кабинету.

– Сделать качественные протезы сложно, – продолжала я. – Заюшка обратилась в клинику «Голливуд», там работают исключительно квалифицированные врачи, а главврач, Аркадий Залманович, просто волшебник! Но он очень скрупулезный, работает медленно, создает идеальную челюсть. Ольге пришлось пройти большой подготовительный период, в конце концов у нее образовалась папка с анализами и результатами исследований. Стоматолог сказал Зайке: храните документы, потеряете – придется повторять все процедуры. Оля испугалась и вчера попросила меня отнести бумаги в банк.

– Вот уж странно! – вскинула брови Настя. – Неужели нельзя дома спрятать?

Я помотала головой.

– Похоже, у нас живет домовый-озорник! Сколько раз я лишалась всяких справок, паспортов! Недавно не смогла найти ПТС на свой «Мини-купер». Точно помнила – положила его в ящик стола! И нету! В конце концов я приняла соломоново решение, сделала копии всех удостоверений и документов, а оригиналы положила в хранилище. Бандиты украли сумку, а в ней папка для стоматолога. Понимаешь размер бедствия? Домой мне лучше не возвращаться.

– Что же ты не размножила историю болезни невестки? – упрекнула меня Настя.

– Сделала ксерокс, – мрачно ответила я, – сегодня, но в сумке лежали и оригинал, и его копия.

– Жесть! – оценила ситуацию Настя. – Но скрываться нет смысла, твоей Зайке понадобятся анализы.

– Через три недели! – воскликнула я. – Не раньше! У меня будет достаточно времени, чтобы найти украденное. Страшно подумать, как расстроится Ольга, узнав о пропаже папки, но еще хуже, что ей придется снова проделывать неприятные медицинские манипуляции! Она с таким ужасом рассказывала об ультразвуковой обработке десен и измерениях длины ложа корня зуба.

– Ну ты же не виновата, что бандиты налетели на банк, – попыталась утешить меня Настя.

– Да, – согласилась я, – но от этого мне не легче. Значит, так, я сниму номер в маленькой гостинице и начну поиски грабителей. Я готова выкупить у них содержимое своей сумки.

Настя постучала себя пальцем по лбу.

– За фигом бабло на отель тратить? Живи спокойно дома, невестке наври, что документы в ячейке.

Я опустила глаза.

– Тут есть маленькая проблема, впрочем, даже не одна. Ольга моментально поймет, что я лгу. И еще – видишь мое лицо? Я сбегала с утра к доктору, сделала уколы красоты. А домашние категорически запретили мне даже думать о ботоксе и геле, но я не послушалась. Результат перед тобой. Стоит мне сегодня прикатить в поселок, как домочадцы отругают меня за совершенную глупость, а потом будут шутить и подкалывать до конца дней. В середине девяностых я зашла в парикмахерскую и сдуру пошла на поводу у мастера, предложившего сделать химическую завивку. Ясное дело, хитрая баба хотела содрать с клиентки побольше денег, правда, из салона я ушла с вполне приличной укладкой, а вот по дороге домой попала под дождь, и волосы вздыбились, словно сошедшие с ума пружины. Сколько лет ушло с тех пор, а Кеша нет-нет да и скажет: ремонт в старой квартире мы делали в тот год, когда мать косила под пуделя, больного лишаем. Или: летом, когда мать решила стать родной сестрой мериносного барана, я зарабатывал мойкой машин.

– Круто тебя обработали, – хмыкнула Настя, – я думала, ты мулатка.

Я в ужасе подпрыгнула в кресле.

– Что, кожа почернела?

– Не, – успокоила меня Настя, – ты как была серая в красную крапинку, так и осталась. Не знаю, как назвать ребенка, если у него отец эскимос, а мать из Кении. У тебя глаза – щелки, а щеки – во! Губы как бананы!

– Эскимосу трудно встретить девушку из Африки, – только и сподобилась ответить я.

– Красивый кулон, – сменила тему беседы Настя, – наверное, эта груша очень дорогая. Здорово, что тебе удалось ее от бандитов уберечь, с шеи не сдернули, повезло.

Я засмеялась:

– Заранее побеспокоилась, спрятала украшение в мусорную корзинку. Оно копеечное, это подделка, таких в магазинах много, но мне вещь очень дорога.

– Молодец, не растерялась, – вздохнула Настя, – а я дура, осталась без рубля.

Нашу пустую болтовню прервал мужчина, пригласивший меня в соседний кабинет для беседы. Минут пятнадцать следователь, назвавшийся Николаем Петровичем, пытался выяснить, что я видела и слышала, но никакой полезной информации я сообщить не смогла, лепетала чушь вроде:

– Рост у бандитов средний, костюмы черные, на лицах лыжные шапочки, прорези в них затянуты сеткой. Не пойму, как они смотрели и дышали.

– Оружие описать сумеете? – безнадежно спросил допрашивающий.

– Ну... э... оно черное, – выдавила я из себя, – стреляло громко, очередями: бах-бах-бах. Можете отдать мои документы? Их в момент нападения держала Вера.

Николай Петрович кашлянул.

– Ваш паспорт испорчен, на него попала кровь погибшей Касаткиной, права и кредитки повреждены, на них наступили в момент освобождения заложников.

– Что же мне делать? – растерялась я.

Следователь протянул мне визитку.

– Позвоните в понедельник, я все улажу, а сейчас выдам вам справку для ГАИ. По поводу карточек идите к управляющему:

Я обрадовалась, поторопилась к Михаилу Федоровичу и была им обласкана сверх меры.

– Новые кредитки? Без проблем, сейчас сделают, – засуетился он. – Наличные нужны? Какими купюрами? Чем еще могу быть полезен?

Не прошло и четверти часа, как я получила карточки, собралась покинуть кабинет, но была остановлена управляющим.

– Дарья, дорогая, вы наш лучший клиент!

Последние слова были столь откровенной лестью, что я засмеялась.

– Спасибо, но это слишком сильно сказано. Состояние нашей семьи хранится в Швейцарии, в Россию поступают не очень большие суммы, предназначенные для бытовых расходов. Скоро из-за того, что Маша перебралась жить в семейный дом в Париже, а Аркадий и Ольга тоже подумывают об отъезде во Францию, наш счет в вашем банке совсем похудеет.

Михаил молитвенно сложил руки:

– Дашенька! Кто говорит о деньгах! Когда вы входите в мой кабинет, в нем словно солнце поселяется. Красавица, умница, всегда с улыбкой! Иной вкладчик миллиарды принесет, но находиться с ним рядом – просто мука. Вы же – ангел!

– Что вам надо? – остановила я водопад потоки.

Михаил почти вплотную приблизился ко мне.

– Любой скандал вредит банковскому бизнесу. Могу я попросить вас никому ничего не рассказывать об ужасном происшествии, свидетелям которого вы, к моему огромному огорчению, стали? Сейчас нелегкие времена, мы сражаемся буквально за каждого клиента. Если информация об ограблении выйдет за двери нашего офиса, кое-кто испугается и заберет свои сбережения.

– Можете рассчитывать на мое молчание, – пообещала я, – но похоронить информацию у вас не получится, думаю, репортеры «Желтухи» и «Трепа» уже начистили фотоаппараты, наточили перья и оцепили улицу вокруг банка.

Михаил оттянул узел галстука.

– Пока нет, я полностью контролирую ситуацию. В обмен на ваше молчание я готов оказать вам любую услугу.

– Грабители унесли мою сумку, – горько сказала я.

– Мерзавцы, – возмутился управляющий – тупые ослы! Вы лишились крупной суммы наличных? Мы готовы вам ее компенсировать.

– В сумке денег не было, но там лежала история болезни Ольги Воронцовой. Мне позарез нужны эти документы, – призналась я, – готова их выкупить у бандитов. Если, паче чаяния, преступников быстро задержат, позвоните мне, но только на мобильный.

Михаил пообещал «лучшей клиентке» полное содействие, а потом вдруг усмехнулся.

– Вы могли бы сказать, что хранили в кошельке пару тысяч евро, однако не соврали!

– Если вас удивляет мое поведение, то его легко объяснить, – улыбнулась я в ответ, – покойная бабушка мне внушила: «Никогда не бери чужих денег, они приносят несчастье. Утаишь случайно полученную сдачу, получишь в кошелке лишний рубль, а с ним тридцать три несчастья в придачу. Если торговец ошибся,

верни ему деньги со словами: «Мне чужого не надо, своего хватает». Иногда люди на ассигнацию свои беды начитывают и постороннему вручают».

– Неужели вы верите в наговоры? – развеселился управляющий.

– Нет, – ответила я, – но вдруг они работают?

Глава 3

Едва я вышла из банка, на двери которого теперь висела табличка «Закрито по техническим причинам, просим извинения за причиненное неудобство», как из расположенного рядом кафе выглянула Настя:

– Эй, иди сюда. Хочешь латте? Угощаю.

Я вошла в крохотный зал.

– Давай лучше я тебя покормлю, мне в банке деньги дали.

– Мне тоже, – похвасталась Настя, – их управляющий спросил, что было в моей сумке, ну я честно и ответила: зарплата пятнадцать тысяч, мобильный, не шикарный, но и не самый бросовый, ай-под и книжка Смоляковой. Жаль все, сумку я на распродаже оторвала за десять процентов стоимости, но ведь на ней не написано, что она по дешевке куплена. Мужик выслушал, открыл сейф, протянул мне две тысячи баксов и сказал: «Банк не хочет, чтобы кто-то из клиентов уходил обиженным. Возьмите компенсацию, а еще я хочу предложить вам эксклюзивные условия обслуживания и, если пожелаете, кредит на выгодных условиях».

– Ну и ну! – покачала я головой.

Настя схватила с тарелочки пирожное.

– Чудеса, да и только. Я попыталась объяснить управляющему, что с моей зарплатой денег не откладывают и в долг не берут. Я случайно проходила мимо банка и решила заплатить за мобилу. А мужик в ответ: «Откроем вам счет, положим на него тридцать тысяч рублей. Только очень прошу, никому ни слова об ограблении». Может, я ему понравилась? Типа, он ухаживать начал?

Я воткнула соломинку в густую пену поданного официанткой латте.

– Настя, ты очень привлекательна, но Михаил Федорович женат, просто он хочет замазать ограбление, отсюда и ливень денег.

– А кому штамп в паспорте мешает? – хмыкнула девушка. – Управляющий старый, ему уже небось лет сорок, а я так устала копейки зарабатывать, что готова и с мумией в загс пойти при условии, что эта мумия с бабками. Развести кренделя с его бабой не трудно.

– Но только не в случае Михаила Федоровича, – предостерегла я Настю, – он женат на дочери хозяина банка, где служит управляющим.

Настя скорчила гримасу:

– Упс. Облом! Слушай, у тебя лицо еще больше раздулось. Что делать будешь?

Я осторожно пощупала горевшие огнем щеки и пробормотала:

– Не знаю. Домой мне возвращаться нельзя, сейчас позвоню в Ложкино и совру, что остаюсь на недельку пожить у подружки Наташи Расковой, дескать, она превратила празднование дня рождения в многодневное действо. Потом начну искать грабителей.

Настя отодвинула пустой стакан.

– Глупая идея. Как ты их обнаружишь?

– Не имею понятия, – призналась я, – надо успокоиться, завтра прийти в банк и попытаться восстановить ход событий, авось вспомнится некая деталь.

– А работа? Скосячишь службу? – прищурилась Настя.

– Я сижу дома, – отчего-то испытывая неловкость, призналась я, – но так было не всегда, я много лет преподавала французский язык в институте.

– Здорово иметь высшее образование, – протянула Настя, – у меня за плечами только школа, я работаю курьером в фирме. Значит, ты поедешь в гостиницу?

– С отелем ничего не получится, мой паспорт испорчен, а без документов номер не снять, – пригорюнилась я.

– Есть места, где никто удостоверения личности не требует, – подмигнула Настя, – комната с почасовой оплатой.

– Нет, – поспешила я отказаться от этой идеи, – не хочу соваться туда, где проститутки клиентов развлекают.

– Тогда остается два выхода, – пожала плечами Настя, – либо домой, либо к подруге.

– Оба мне не подходят, я слишком уж «похорошела» и потеряла анализы Зайки. Единственный человек, у которого я могла бы пересидеть, – Оксана, моя подруга, но она уже три месяца живет в Дубаи и пробудет там еще год. Арабские шейхи совсем не дураки, приглашают в свои больницы лучших из лучших. Платят специалистам огромные деньги, поэтому те никогда не отказываются от работы.

Настя щелкнула пальцами.

– Тогда поживи у меня.

Я поспешила отместить радушное предложение.

– У тебя же родители, им не понравится посторонний человек в квартире.

Настя засмеялась.

– Места полно! Двенадцать комнат! Самый центр, Барабанный тупик, знаешь, где он находится? Вернее, находился, теперь улицы нет, потому что на ее месте огромный дом возвели, он всю территорию занял.

– Барабанный тупик? – с недоверием переспросила я. – Это неподалеку от метро «Белорусская»?

– Верно, – подтвердила моя новая знакомая, – мне нужны деньги, тебе жилье, вот и договорились. Отец с матерью мухи не обидят, когда увидишь их, поймешь. Документы у тебя испорчены, домой возвращаться не хочешь, по-моему, самое время поехать ко мне. Я немного заработаю, а ты спокойно займешься своими делами. Ну как?

– Спасибо, – обрадовалась я, – сколько ты хочешь за аренду площади?

– Договоримся, – заулыбалась Настя, – побежали к метро.

Я ткнула пальцем в окно:

– Вон там на парковке стоит желтый «Мини-купер» с черной крышей, это моя машина.

– Похоже, тачка не дешевая, – пробормотала Настя, когда я вклинилась в плотный поток автомобилей.

– Но и не безумно дорогая, – поспешила уточнить я.

– Если я наскребу бабок, куплю нормальную машину, – вздохнула Настя, – без дизайнерских выкрутасов. Отец мечтает о седане типа «Форд Фокус» или «Фольксваген», «Ниссан», «Киа», и я с ним согласна.

– Ты назвала много марок, и у каждой есть тьма разновидностей, они отличаются и внешним видом, и ценой, – менторски ответила я, – что собрался приобрести твой папа?

– Он просто мечтает, – повторила девушка, – без конкретики. Слушай, у тебя же нет документов! Вдруг нас менты остановят?

– Постараюсь не нарушать правила, – спокойно ответила я, – а еще...

Договорить мне не удалось, прямо перед капотом «миника» материализовался гаишник и начал отчаянно размахивать полосатым жезлом. Я нажала на педаль тормоза, опустила стекло и недовольно спросила:

– Что не так? Тащусь в крайнем правом ряду, за троллейбусом. Неужели вы покажете мне радар с цифрой сто пятьдесят в окошке?

– Ваши права, – потребовал страж дорог.

– Сначала ответьте, почему меня остановили, – не сдалась я.

– Плановая проверка, – выкрутился гаишник, – я нахожусь при исполнении.

– Нет проблем, – пожала я плечами и протянула парню кожаный переплет, – там бумаги на «Мини-купер», кстати, аптечка и огнетушитель в багажнике, мы с пассажиром пристегнуты ремнями, окна автомобиля не затонированы, знак аварийной остановки имеется в наличии. Что еще?

– Где права? – требовательным тоном спросил страж дорог.

Настя горестно вздохнула, а я жестом фокуснику вынула из кармана куртки сложенную вчетверо бумажку и подала зануде:

– Прошу, читайте!

Гаишник уставился в текст, шмыгнул носом и с плохо скрытой растерянностью воскликнул:

– Эт-та чего?

Я вырвала из его рук листок.

– Могу огласить вслух. Справка, дана Васильевой Дарье в том, что ее права испорчены во время нападения бандитов и находятся во временном

распоряжении полковника Лукашенко. Паспорт Д. Васильевой признан непригодным из-за потеков крови, заливших документ. Считать данную справку удостоверением личности Д. Васильевой и правами на вождение всех видов автотранспорта, кроме грузового, специального, трамвая, троллейбуса и автобуса». Подпись и пара печатей. На мой взгляд, все ясно и понятно.

Гаишник моргнул и пошел к тротуару, я высунулась в окно:

– Можно ехать?

Парень обернулся и кивнул, а я, не забыв включить поворотник, нажала на педаль газа.

– Похоже, ты его шокировала, – хихикнула Настя, – вот здесь налево, дальше прямо.

Следуя указаниям девушки, «Мини-купер» запетлял по большим переулкам. Те, кто недавно приехал в Москву или кто ездит в центр только пару раз в год по праздникам, думают, что район Тверской улицы – визитная карточка города, наполненная шикарными магазинами и ресторанами. С одной стороны, это правда, но с другой... В самом сердце столицы России есть такие закоулки, о которых известно лишь коренным жителям. А еще здесь стоят дома самой причудливой архитектуры. Считается, что наиболее странные здания встречаются исключительно в Питере, но это мнение разделяют лишь те, кто не очень хорошо изучил Москву. Поверьте, по части сумасшедшей планировки квартир мой родной город впереди планеты всей.

– Стой, – скомандовала Настя, – приехали.

Я внимательно осмотрела пейзаж. Там, где некогда был Барабанный тупик, сейчас торчит уродливая огромная башня, спроектированная по типу американских небоскребов. Неподалеку от нее желтеет будка, оштукатуренная в прошлом веке, году этак в семидесятом, то ли бойлерная, то ли трансформаторная подстанция.

– Пошли, – велела Анастасия.

Я двинулась следом, пытаюсь погасить удивление. Двенадцатикомнатная квартира в центре Москвы, да еще в новостройке должна стоить не один миллион евро. Значит, родители Насти более чем богатые люди, но, судя по словам моей новой знакомой, ее отец мечтает о машине отнюдь не представительского класса и до сих пор ею не обзавелся. Сама Настенька пользуется метро, одевается, похоже, в дисконт-центрах и служит курьером. Девушка завидует тем, кто получил высшее образование, ей самой не довелось стать студенткой. Она такая глупая, что папа с мамой не пожелали тратить деньги на образование дочери? Или ее предки отпетые скупердяи, повторяющие каждое утро: «Нам никто не помогал, мы сами в люди выбились. Не будем ребенку помогать, пусть покрутится. Денежки с неба не падают, их надо заработать»?

– Эй, – крикнула Настя, – чего застыла?

Я стряхнула с себя оцепенение и поспешила за изящной фигуркой, которая успела дойти до облупившейся со всех сторон будки.

– Осторожно, – предупредила моя спутница, – лестница крутая.

Я не успела понять, о чем говорит Настя. До башни оставалось еще метров двести, но тут новая знакомая дернула на себя ободранную дверь и с большим усилием распахнула ее.

Мои глаза поползли на лоб. Прямо от порога начиналась ведущая вниз длинная лестница.

– Вы живете под землей, словно хоббиты? – с трудом выдавила я вопрос.

– При чем тут хобот? – удивилась Настя, продемонстрировав незнание культовой книги Толкиена. – Поторопись, дверь очень тяжелая.

Судя по грохоту, с которым захлопнулась дверь, она была выполнена из бронебойной стали.

– Сначала будет неудобно, потом привыкнешь, – деловито сказала Настя, когда мы спустились к подножию почти отвесной лестницы и очутились перед новой

дверью, у которой вместо ручки был здоровенный круг, похожий на штурвал.

Хозяйка уверенно повернула его, и мы очутились в коридоре, который, похоже, был с полкилометра длиной. Он был застлан красной ковровой дорожкой, с потолка свисали стеклянные фонари, забранные железной сеткой. Стены выкрашены серо-голубой масляной краской. По дороге нам попалась тумбочка, на которой стоял гипсовый бюст.

– Это кто? – ошарашенно показала я на скульптуру.

– Ленин, – обыденно ответила Настя, – Владимир Ильич. Не узнала? Говорят, раньше такие везде стояли.

– Глазам своим не поверила, – честно призналась я, – в последний раз я видела подобный интерьер не помню в каком году в райкоме комсомола, когда собралась поехать в командировку в Болгарию. Прости, пожалуйста, неприлично критиковать убранство чужой квартиры, у меня случайно вышло, не обижайся.

– Плевать, – отмахнулась Настя, – ну, запоминай. Справа три двери. Первая ведет в мамину спальню, вторая в папину, третья ко мне. Слева комнаты для гостей, можешь поселиться в любой, пока все свободны. Я тебе советую выбрать с видом на море.

Меня охватила тревога. Дашутка, сегодня явно не твой день. Сначала ты ухитрилась превратить свое лицо в подушку с утиным клювом, затем встретила с грабителями, лишилась сумки с историей болезни Зайки, а потом наивно поехала с незнакомой девушкой. И вот сейчас выясняется, что Настя не совсем здорова психически. Вдумайтесь в последнюю фразу: мне предложено занять комнату, из окон которой можно любоваться бесконечной водной гладью. С одной стороны, ничего странного в этом нет, но, если учесть, что я нахожусь в глубоком подвале, в центре Москвы...

– Огромное спасибо, – сказала я, – всегда мечтала пожить на берегу моря, только сначала схожу в машину, я забыла там сотовый.

Попытка трусливо удрать не возымела успеха.

– Здесь мобильный не берет, – пояснила Настя и впихнула меня в комнату, – ну как?

Интерьер произвел впечатление. У одной стены громоздится железная кровать с серым одеялом и двумя подушками, около нее стоят массивные, похоже, дубовые тумбочки, а на них – ночники. Напротив располагается трехстворчатый шкаф с зеркалом и висят пустые книжные полки, далее растянулся письменный стол, покрытый синим сукном, с настольной лампой под зеленым абажуром. Еще тут было два кожаных черных кресла, темно-красный ковер с традиционным черным орнаментом и огромный, словно высеченный из гранита, телефонный аппарат с наборным диском и трубкой на витом шнуре. Но самое сильное впечатление на меня произвело окно, по бокам которого висели две пыльные бархатные гардины. За стеклом синело бескрайнее море, над ним сияло солнце, вдали, почти у самого горизонта, виднелся силуэт корабля.

– Фотообои, – догадалась я через минуту.

– Ну да, – кивнула Настя, – ты же не надеялась увидеть здесь реальный океан. Подходит? Или посмотришь лес? Мебель везде одинаковая, а пейзаж за окном разный, есть даже пустыня, но бесконечный песок, на мой взгляд, очень угнетает, хотя моей маме нравится, она в «Сахаре» живет, а у отца вообще не пойми что, камни да ущелья!

– Море в самый раз, – ожила я.

– Отлично, – обрадовалась Настя, – двигаемся дальше. Иди сюда, за дверку, тут хозчасть. Сначала кухня, плита электрическая, холодильник, мойка, большой стол, за него двадцать человек легко усядется.

– Ничего себе кухонька! – заметила я. – Метров пятьдесят!

– Четыре туалета, – продолжала «экскурсовод», – и столько же душевых, ванн нету. Туда, в ответвление, не ходи, стопудово потеряешься, выхода не найдешь!

– А что там, в дальней галерее? – не сдержала я любопытства.

– Склад продуктов, лекарств и всего остального, – ответила Настя, – только папа там ориентируется. Я не знаю, где коридор заканчивается, и предпочитаю туда не соваться. Давай угощу тебя чаем, и договоримся об оплате.

Глава 4

Через пятнадцать минут беседы с Настей у меня появилась твердая уверенность: девушка не первый раз сдает одну из комнат, уж больно она бойко диктовала условия. Стирка постельного белья за счет гостя, пользоваться санузлами и кухней можно без ограничений, посторонних приводить в «номер» нельзя. Если дать хозяйке денег на питание, то получишь завтрак и ужин, в противном случае придется питаться в городе. Из явных неудобств – отсутствие телефонной связи и телевизора.

– С другой стороны, это даже хорошо, – говорила Настя, – какой смысл новости смотреть? Только пугаться. Я купила себе телик и дивидюшник, киношкой на дисках наслаждаюсь.

– Какая у вас необычная квартира, – не выдержала я.

Настя засмеялась.

– Чума, да? Мой папка служил в армии, до того, как меня родить, они с мамой по гарнизонам намотались и двух младенцев похоронили. Мальчики у них рождались больные, врачи сказали – девочка должна выжить.

Я подперла кулаком щеку и стала слушать рассказ девушки.

Отец Насти, Владимир Петрович Куваев, человек порядочный и, что весьма странно для военного, абсолютно непьющий. И у Куваева начисто отсутствовали карьерные амбиции, он дослужился всего лишь до прапорщика. Никакого высшего образования Володя не имел, состоял в частях шофером, а его жена Зинаида работала в столовой поваром. Пределом мечтаний семейной пары было получить хорошую квартиру и достойную зарплату. Куваевы всегда жили честно, Зинаида никогда не воровала продукты, а Володя не «химичил» с бензином, и в

конце концов им повезло. Положительную во всех смыслах семью выделил из общей массы полковник Андрей Серебров. Вот уж кто изо всех сил лез наверх, так это он.

За короткий срок Володя стал для нового начальника не только водителем, но и адъютантом, электриком, сантехником, плотником и чернорабочим в одном флаконе. Зиновья превратилась в повариху, горничную, а заодно и няню детей Сереброва. Переводясь с места на место, Андрей всегда брал с собой Куваевых, а Володя с Зиной не уставали радоваться своему счастью. Серебров был им как отец родной, он всегда следил, чтобы его прислуга получила хорошую комнату в общежитии, паек и обмундирование. В конце восьмидесятых у Куваевых случилось сразу два радостных события: Андрей, успевший стать генералом, очутился в Москве и перетащил туда своих верных вассалов, а Зиновья родила дочь, слава богу, здоровую девочку.

Страну медленно втягивало в гражданскую войну, жить в столице становилось все опаснее, служба в армии в начале девяностых потеряла всякую престижность, зарплату личному составу не платили месяцами, но Серебров постоянно твердил:

– Спокойно, я решу все проблемы.

Володя с Зиной верили в хозяина, тот обладал активностью охотничьего пса, мимикрировал как хамелеон и казался окружающим безобидным, как белый кролик. В голодном девяносто втором году Андрей привез Куваевых в Барабанный тупик, открыл вход в подземелье и спросил:

– Нравится? Будете здесь жить?

Зиновья обомлела от восторга.

– Это наше?

– Мое, – уточнил Андрей, – но и ваше тоже.

– Это бункер? – поинтересовался Володя.

Серебров кивнул:

– Да. Таких помещений в Москве несколько, все состояли на балансе у разных служб: Министерства обороны, Комитета госбезопасности, кое-каких других структур. Оборудовали бункеры в самый разгар холодной войны с Америкой. В начале шестидесятых годов двадцатого века мир всерьез готовился к ядерной войне. Вы сейчас находитесь в убежище, которое предназначалось для высокопоставленных чиновников и членов их семей. Мне удалось приватизировать несколько таких катакомб в столице и в Питере. Короче, живите здесь в свое удовольствие, приглядывайте за хозяйством, я вас сюда пропишу. Пока будете получать небольшую зарплату, но за коммунальные услуги платить не придется. И никаких проблем с едой, в дальней галерее есть продуктовое хранилище, там полно тушенки, крупы и макарон.

У любой семьи, предложи им кто поселиться в подобном месте, возникла бы масса вопросов. Каким образом Серебров ухитрился заполучить в собственность такую площадь? Будет ли законной их прописка? Не вредно ли жить без дневного света? Какой, в конце концов, почтовый адрес жилища? Но Володя с Зиной, долгие годы обитавшие в небольших каморках в густонаселенных бараках, очумели от радости. Двенадцать комнат, обставленных мебелью и застеленных коврами! Огромная кухня с утварью! Ванные! Туалеты! Кладовки с бельем и едой! Радость не померкла даже при дальнейших уточнениях Сереброва.

– Вам принадлежат четыре помещения, в остальных иногда будут останавливаться нужные мне люди, ваша задача – уборка, готовка и мелкий ремонт.

Фактически Куваевы стали управлять небольшой гостиницей, но Володя и Зина, похоже, так этого и не поняли.

Настя в детстве ездила по бесконечным коридорам на трехколесном велосипеде. Мама и папа очень любили дочку, баловали ее и никогда не наказывали. Постояльцы, приезжавшие в бункер, вели себя сдержанно. В основном это были малоразговорчивые мужчины, тенью шмыгавшие к выходу. Но спустя несколько лет Настя узнала имена постоянных гостей: Арама, вечно ходившего в темно-синем костюме «Адидаас», дядю Гошу, который произносил вместо звука «г» – «хе», Виталика, щедро разукрашенного наколками, и сурового с виду Анатолия Михайловича, никогда не расстававшегося с небольшим портфельчиком. Иногда

дядьки привозили девочке подарки. Арам угощал ее вкусной чурчхелой, дядя Гоша – семечками, Виталик дарил кукол, а Анатолий Михайлович вручал книги.

Собственно говоря, до сего времени ничего не поменялось, Серебров по-прежнему присылает гостей, Володя с Зиной следят за порядком, зарабатывают они немного, поэтому Настя иногда жульничает, говорит предкам:

– Можно у нас поживет тетя моей подруги Нины? Она всего на недельку в Москву прикатила.

Папа тут же ответит:

– Нет, Андрей Валентинович строго-настрого запретил пускать сюда посторонних, только его гостей.

– Конечно, папочка, – кивает Настя и всхлипывает, – как ты приказал, так и будет. Правда, Нина обидится, перестанет со мной дружить, а я так одинока! Подруг домой привести нельзя, помочь им я тоже не могу...

Отец крикает и дает задний ход:

– Ну ладно, в виде исключения, пусть пока въедет. Но если Серебров кого из своих пришлет, ей придется сматываться.

Настя соглашается и... зарабатывает небольшую сумму себе на мелочи.

– Зря отец Сереброва боится, – по-юношески беззаботно щебетала моя новая знакомая, – тот сюда никогда не заглядывает. Я бы на месте папки бизнес основала, типа отеля. От клиентов не отбиться будет, но родители не хотят.

– Неужели они ни разу не поймали тебя на лжи? – удивилась я.

Настя захихикала:

– Раньше не прищучили, а сейчас и подавно не смогут. У них... да ладно, увидишь моих родичей, сама поймешь. Отец никогда не врет, поэтому считает, что все говорят исключительно правду. И потом, я подрабатывать начала, когда

они немного странными стали, наверное, постарели, вообще на улицу выходить не хотят. Держи ключи, устраивайся. И, уж извини за совет, сходи к врачу, у тебя лицо стало как ошпаренное, глаза совсем затекли.

– Пойду в машину, – пробормотала я, – позвоню Эле Москвитиной, может, это естественная реакция на ботокс?

– Валяй, – кивнула Настя и ушла.

Я преодолела длинный коридор, с огромным трудом открыла толстенную дверь, поднялась по бесконечной лестнице на улицу и потрясла головой. Ну и ну! А еще в газетах постоянно пишут об угрозе терроризма, рассказывают об обязательной регистрации гостей столицы. Однако милый Арам с чурчхелой и дядя Гоша с семечками преспокойно живут временами в бункере. Очень надеюсь, что они простые контрабандисты, нелегально привозят в Москву восточные сладости и украинские продукты. Но что-то мне подсказывает – все совсем не так радужно. Вероятно, у Арама всегда при себе есть пара килограммов героина, а чем занимаются дядя Гоша, Виталик и солидный Анатолий Михайлович – лучше не знать.

«Мини-купер» приветствовал меня бодрым попискиванием, я села за руль, взяла мобильный и соединилась с Наташей Расковой.

– Все поняла, – ответила подруга, выслушав мою просьбу, – праздную без остановки, ты остаешься у нас на десять дней.

– Маловероятно, что Кеша или Маня будут тебе звонить, – уточнила я, – но на всякий случай предупреждаю.

– Да без проблем, – засмеялась Ната, – он блондин?

– Кто? – не поняла я.

– Твой «обоже», – вкрадчиво промурлыкала Раскова, – тот, с кем ты намерилась весело провести время.

– Даже и не думала, – возмутилась я.

– Ладно, ладно, не хочешь рассказывать – не надо, – зачастила Ната, – я могила. Очень за тебя рада, давно пора завести себе мужика, а то сохнешь в одиночестве. И перестань оглядываться на детей! Я бы на твоём месте не пряталась, а назло Машке и Аркадию привела бы кавалера и...

– Ната, дети тут ни при чём, – попыталась я остановить подругу.

– ...сказала, – не дала мне договорить Раскова, – вы эгоисты! Лишили мать секса и прочих радостей! Лишь о себе думаете!

– Натуся! Погоди...

– Считаете меня старухой! – возбудилась Раскова. – Похоронили заживо!

– Ты ошибаешься.

– Как бы не так! Покажи нахалам зубы! Интересно у вас получается, – кипела Наташка, – почему ты боишься правду сказать: мне нужен мужик!

– Дело не в любовнике, – ляпнула я, – просто...

Я тут же прикусила длинный язык: нельзя рассказывать об уколах, Наташка мигом раструбит по всем знакомым.

– Просто что? – разозлилась она.

– Ну... я хочу отдохнуть... в одиночестве, – глупо соврала я.

– Господи, – возмутилась Натка, – Васильева, ты никогда не могла набрехать по-человечески! Всем сразу ясно: Дашка лжет!

– Неужели так трудно понять: мне не нужен любовник! – отбивалась я.

– Ничего стыдного в физиологических потребностях нет, – заявила Ната, – сон, еда, секс! Рок-н-ролл и наркотики не предлагать. Ладно, можешь прикидываться монашкой, меня бесит не твоя старперская стыдливость, а поведение Машки и

Кеши! Затоптали мать! Сели ей на голову! И Зайка хороша!

Оставалось только ждать, пока Раскова перестанет бить копытами в землю и успокоится, что и наступило после десяти минут фонтанирующего недовольства.

– Хорошо, – выдохнула Ната, – езжай со своим блондином куда пожелаешь, я тебя прикрою.

Сделав несколько глубоких вдохов, я позвонила в Ложкино, но городской номер был занят, поэтому я спешно соединилась с Москвитиной.

– Ну, понравилось? – сразу спросила Эля. – Ты уже красавица?

– Легко займу первое место на конкурсе «Утка, больная водянкой», – ответила я и описала свой внешний вид.

– Вау! – испугалась Эля. – Срочно беги к врачу! Это похоже на аллергию.

– Мне нужно ехать в кабинет, где принимает Вилли? – спросила я.

– Он уже улетел из России, – засуетилась Москвитина. – Так, вот, записывай. Емельянов Бурдюк, отличный специалист! Гений! Спасал после неудачных операций актеров и телезвезд. Непременно ему позвони!

– Ты уверена, что светило зовут Бурдюк? – на всякий случай уточнила я. – Несколько странное имя, так называется мешок с водой, который возят при себе кочевники в пустыне.

– За дуру меня держишь? – возмутилась Элька. – Я отправила к нему с десятков знакомых. Точно знаю, он Бурдюк! Не тормози, доползет отек до мозга – и кирдык. Ты мне дорога, как память о глупо проведенной юности.

Весьма испуганная словом «кирдык», я набрала полученный номер и попросила:

– Мне нужен господин Бурдюк Емельянов.

– Весь внимание, – бойко ответил баритон.

– Ваш телефон мне дала...

– ...Эля Москвитина, – перебил врач. – Что случилось?

Я слегка расслабилась, похоже, у доктора ярко выраженные экстрасенсорные способности, он с ходу угадал, что я собиралась ему сказать, значит, он отличный диагност!

– У меня лицо красное! Щеки толстые! Губы – бананы, – изливала я ему свои жалобы, – кожа серо-фиолетовая в красную точку! А еще на лоб словно надвинули шапку из цемента, давит сильно.

– Сколько вам лет? – спросил врач.

– Какая разница? – разозлилась я. – Тридцать!

– Трудно поставить диагноз по телефону. Подъезжайте в начале ноября, но предварительно запишитесь на прием, сейчас дам вам телефон регистратуры, – вежливо проинструктировал меня врач.

– А вдруг кирдык до мозга доберется? – чуть не зарыдала я.

– Кто? – воскликнул Бурдюк.

– Простите, я оговорилась, отек! Что будет, если он проникнет в черепную коробку?

– Будет нехорошо, – весело пообещал специалист по пластике, – но я почему-то уверен: столь мрачная перспектива вам не грозит.

– Не разделяю вашего оптимизма, с утра мое лицо увеличилось втрое, – дрожащим голосом возразила я, – и продолжает расти!

– Вы опухаете? – посерьезнел доктор.

– Говорила же про щеки и губы!

– Я решил, что вы слишком самокритичны. Можете подъехать прямо сейчас?

– Да! Записываю адрес, – обрадовалась я.

В отличие от доктора Вилли, принимавшего пациентов в однокомнатной квартире, Бурдюк занимал кабинет в современной клинике. Перед дверью с табличкой «Главный врач, д.м.н. профессор Емельянов» сидели обрюзгший брюнет и девочка лет четырнадцати.

– Вы к хирургу? – вежливо спросила я.

Дядька кивнул. Девочка приоткрыла рот.

– Видишь, Анечка, – неожиданно сказал мужчина, – вот она сюда правильно явилась! Как с такой мордой лица жить? А ты себе в голову чушь вбила! Уши у тебя оттопыренные! Нашла беду! Ты на тетку глянь, у нее даже лопухи, как у слона Дамбо!

Я машинально схватилась за свои ушки. Так, похоже, все, что прикреплено к моей голове, стихийно увеличивается в размерах.

– Пап, а она не заразная? – прошептала школьница.

– Хрен ее знает, детка, – забеспокоился отец, – пошли лучше отсюда! Теперь понимаешь, что ты красавица? Всегда полезно уроды увидеть и себя объективно оценить!

Высказавшись, родитель заботливо схватил испуганную дочь и потащил ее прочь. Я опустилась на стул. Кто еще думает, что слово «блондинка» синоним вселенской глупости? Как вам нравится брюнет и его восхитительное поведение? Уши как у слона Дамбо! Даже если и так, кто его просил произносить это вслух?!

Дверь кабинета приоткрылась, оттуда вынырнула женщина с повязкой на носу. Я подождала минутку, потом постучала.

– Входите, – крикнули изнутри.

Глава 5

На вид Бурдюку можно было дать лет сорок, но кто их знает, пластических хирургов. Ничего примечательного во внешности расхваленного Москвитиной специалиста не было. Обычный мужчина, слегка склонный к полноте, наверное, недавно приехал из теплых краев, потому что лицо и руки покрывал загар, явно приобретенный не в солярии.

Емельянов быстро стучал пальцами по клавиатуре ноутбука.

– Садитесь, – не поднимая головы, сказал он, – излагайте свою проблему.

– Щеки красные...

– Губы – бананы, – усмехнулся Бурдюк, отодвинул компьютер и крякнул: – М-да! Интересная картина! И почему с вами такое случилось?

– Доктор Вилли уколол мне ботокс, – залепетала я, – и гель в губы. Они с возрастом теряют половину объема...

– Вилли-Билли-Шмилли, – протянул Бурдюк, – а вам, значит, хочется губки – бантиком, бровки – домиком?

Мне стало обидно.

– Я решила избавиться от морщин!

– Скажите своему Дилли-Милли спасибо, – потер руки Бурдюк, – лично я не вижу на представленном к осмотру фейсе ни единой складочки. Ровненький арбузик!

– Глаза исчезли, – прошептала я.

– Ох уж эти женщины, – покачал головой Бурдюк, – совершенно непредсказуемы. Вы хотели иметь натянутую кожу? Получайте! Так нет, теперь ей очи нужны. Надо понимать так, что ласты над подбородком и крышки от кастрюли вместо ушей – предел ваших мечтаний? Кстати, где ваш нос?

– С утра был на месте, – окончательно пала я духом.

– Слава богу! А то я уж решил, что его забыли прикрепить при рождении. Ну, что вы хотите?

– Неужели не понятно? – стараясь не зареветь в голос, ответила я. – Сделайте, как раньше было!

– А как было раньше? – с явным интересом повторил доктор.

Я начала размахивать руками.

– Ну... обычно! На конкурсе красоты у меня никогда не было шансов на первое место, но для обыденной жизни я выглядела вполне привлекательно. Глаза голубые, блондинка.

Бурдюк откинулся в кресле.

– Глаза голубые, блондинка!

– Это не значит, что перед вами дура! – возмутилась я. – Между прочим, у меня диплом о высшем образовании, я преподавала в институте французский язык!

– Я не имел ни малейшего желания вас оскорбить, – сказал профессор, – просто уточнил: глаза голубые, блондинка. Но это все, что я пока знаю о прежней внешности пациентки. Не очень обширная информация. Можете показать фотографию? Некоторые дамы носят при себе, допустим, свой снимок на пляже...

Я зашмыгала носом.

– В моей сумочке всегда лежит групповое фото наших собак, у нас дома их целая стая: пуделиха Черри, мопс Хуч, ротвейлер Снап, питбуль Банди, йоркшир-терьер Жюли. Но сегодня утром у меня украли ридикюль, хорошо хоть ключи от машины были в кармане.

Бурдюк взял стопку бумаг с левой стороны стола и переместил ее вправо.

– Мопсы – милые собаки, но сомневаюсь, что вы хотите иметь их щеки, да и уши пуделя в комплекте с челюстью пита и лбом ротвейлера не лучший вариант для дамы. Единственное, что могу посоветовать, – это пересадка волос от йорка. Не пугайтесь, я глупо пошутил, мне действительно желательно взглянуть на ваше нормальное изображение.

– Его нет, – расстроилась я.

– Сойдет и то, что на правах. Вы упомянули о ключах от машины, следовательно, имеете права? – предположил хирург.

– Они испорчены, их раздавили охранники, понимаете, сегодня утром я стала участницей ограбления банка!

Глаза врача округлились.

– Все в порядке, – поспешила уточнить я, – я не являюсь членом банды, пряталась от преступников под столом, а мои документы попали под ноги секьюрити.

Бурдюк побарабанил пальцами по столешнице.

– Ну да! Понятно! Заедем с другого бока. Что вам вколол доктор Килли?

– Вилли, – педантично поправила я, – ботокс.

– Угу, – кивнул Емельянов, – а в губы?

– Гель! – радостно возвестила я. – Его же он ввел в носогубные складки.

– Гель, – обрадовался Бурдюк, – отличная вещь! А какой именно?

– Ну... такой... наверное, жидкий, – осторожно предположила я, – Вилли его в шприц набрал.

– Хорошо бы услышать название, – вздохнул профессор.

– Он бывает разный? – удивилась я.

– Конечно, – потер руки хирург, – один для мытья посуды, другим чистят кастрюли. Если Офигилли вколол вам первый, то очень скоро проявится побочный эффект: вы начнете пускать носом пузыри, а вот ежели Попадилли воспользовался субстанцией для полировки сковородок...

– Вы издеваетесь, – прошептала я.

– Нет, просто удивляюсь вашей глупости, – заявил Бурдюк. – Фамилию Крокодилли знаете?

– Он Вилли!

– Это имя. А дальше? Откуда прибыл сей врач?

– Вроде из Лондона, нет, из Америки, я не в курсе! Но могу спросить у Эли.

– Звоните, – кивнул Бурдюк и пошел к стеклянному шкафу, который стоял возле кушетки.

Я вытащила мобильный и попыталась устроить подруге допрос.

– Что ты ко мне пристала? – возмутилась в конце концов Москвитина. – Вилли вся Москва знает! Он уже много лет своих колет, бабы довольны, молятся на него! А с тобой вечно если не понос, так золотуха приключается. Зачем Вилли фамилия? Я не в курсе!

– Она не в курсе? – прищурился Бурдюк, когда я запихнула сотовый в карман.

– Если вы телепат, то лучше используйте свой талант, чтобы мне помочь, – огрызнулась я.

Емельянов сел за стол и начал быстро писать.

– Таблетки продаются в любой аптеке, мазь тоже не дефицит, рецепта у вас не потребуют. Лекарство принимайте три раза в день перед едой, лоб и щеки мажьте утром и вечером. Косметикой пока не пользуйтесь. Через пару суток отек пройдет, звоните, если возникнут вопросы.

– Так просто? – обрадовалась я.

– Хотели операцию по пересадке лица? Я пока их не делаю, – отбрил Бурдюк, – вот счет, оплатите в кассе. И помните, никогда не пейте бензин на автозаправках! Даже если вам предложат его бесплатно.

Я обернулась от двери.

– Спасибо за совет. Непременно им воспользуюсь. Вот только мне и в голову не придет смаковать топливо. Даже блондинка с голубыми глазами способна понять, что нефтепродукт здорово отличается от кофе!

– Дама, которая отправилась в подпольный кабинет к врачу, чья фамилия и страна проживания ей неизвестны, сумасшедшая, разрешившая вколоть себе неизвестную гадость, даже не поинтересовавшись ни дипломом специалиста, ни тем, что он с ней собирается делать, идиотка, ставшая благодаря своей пещерной тупости похожей на помесь ванильного пудинга с сардельками, вполне способна хлебнуть бензина из канистры, – ехидно пропел Бурдюк, – хорошо хоть вы не решились на установку грудных имплантатов по Интернету. А я-то, наивный человек, все удивлялся, ну кто из нормальных людей способен приобрести набор «Сам себе стоматолог» и применить его на практике! Видели на сайте «Куплю-продам» такое предложение? Поинтересуйтесь, вам понравится, сможете сама ставить пломбы себе, членам семьи и своим собакам.

Я вылетела в коридор, забыв попрощаться с зубоскалом. Возмущение улеглось только в аптеке, когда приветливая провизор положила на прилавок тюбик с таблетками и вдруг спросила:

– У вас аллергия на уколы красоты?

– Жутко выгляжу, – поежилась я.

– Не расстраивайтесь, – начала утешать меня фармацевт, – отек спадет. Хотите, я дам вам великолепное средство? Вот, принимайте по таблетке два раза в день и на завтра о нем забудете.

Я решила проявить бдительность:

– Что это?

– Специально разработанный американскими врачами комплекс, помогающий побороть осложнения после пластических операций, – объяснила провизор, – в России мода на изменение внешности началась пару лет назад, а в США она уже не первое десятилетие длится, поэтому там проблема изучена вдоль и поперек. У них много чего придумано, берите, не пожалеете.

– Почему же профессор выписал мне другие пилюли? – не успокаивалась я.

Аптекарьша сдвинула аккуратно выщипанные брови.

– Я вам советую биологически активную добавку, она состоит из экологически чистых водорослей, никакой химии, дополняет лечение, но не заменяет его. БАД дорогая, не всякому по карману, вот доктор и не стал вам ее предлагать, но средство великолепное. Наши врачи оглядываются на кошелек пациента. Например, статины! Давно доказано, что эта группа препаратов снижает уровень холестерина, продлевает человеку жизнь. А почему их массово не выписывают и молчат о великолепных средствах? Они стоят о-го-го как! Вот и весь ответ.

– Давайте, – согласилась я, – попробую. И еще добавьте бутылку минералки, прямо сразу приму препараты.

Вернувшись в машину, я внимательно изучила себя в зеркале и пришла к радостному выводу: лицо перестало увеличиваться, а поскольку моя лучшая подруга по профессии хирург, то я знаю – отсутствие отрицательной динамики

можно считать доказательством правильного лечения.

На душе стало спокойнее, надеюсь, скоро щеки начнут «сдуваться». Продолжая улыбаться, я позвонила в Ложкино. На этот раз телефон оказался свободен. Отчего я не воспользовалась сотовыми номерами никого из домашних? Есть простой ответ на этот вопрос: врать о своем желании веселиться у Расковой нужно исключительно Ирке, остальные могут заподозрить неладное, а трубку в коттедже всегда снимает домработница.

– Алло! – откликнулся звонкий голосок.

– Ируся, передай нашим, – бойко начала я, – Наташа...

– Это Зайка, – прозвучало в ответ, – я сегодня иду на тусовку, приехала переодеться. Так что там про Наташу?

Отступать было поздно, собрав воедино все свои весьма хилые актерские таланты, я продолжила:

– Раскова закатила суперпраздник! Здесь клоуны, дрессированные собаки!

– Здорово! – восхитилась Зайка. – Повеселись от души.

– Хочу задержаться у Натки на пару деньков, максимум на недельку, – расхрабрилась я.

– Давно пора оттянуться, – одобрила Ольга, – у Расковой много народа?

– Толпа! – соврала я.

– Отлично! Расслабься по полной. Прослежу, чтобы ни Машка, ни Кеша, ни Дегтярев к тебе не приставали, незачем им туда звонить, – пообещала Заюшка, – распусти хвост и вперед! Чмоки, убегаю!

Мобильный принялся издавать частые короткие гудки, я бросила его на пассажирское сиденье. Если вечером вас засыпало снегом, то утром непременно появится солнце и растопит сугроб, не стоит думать, что жизненные

неприятности вечны. С утра мне не везло, зато сейчас я договорилась с Зайкой! Ольга любит меня, ворчит она обычно из-за усталости или стресса, значит, я пока свободна, как ветер, и могу заниматься поисками папки с анализами. Но теперь лучше вернуться в бункер и лечь спать. День сегодня оказался нервным. Начался он у Вилли, продолжился налетом в банке, а завершился визитом к Бурдюку. Надо отдохнуть, а завтра, прямо с утра, поехать на место происшествия и трезво оценить ситуацию!

...На следующий день в операционном зале банка ничто не напоминало о трагическом происшествии. Помещение, где принимали коммунальные платежи, выглядело самым обычным образом, но охранники у двери и девушка на кассе были другие. Я подошла к мраморному прилавку и облокотилась о него. Именно здесь я стояла после того, как не смогла попасть в отдел по обслуживанию VIP-клиентов. Дашутка, напряги память и постарайся припомнить мельчайшие детали.

Так, я спокойно ждала представителя VIP-отдела, рядом ругался с кассиршей мужчина, похоже, бизнесмен средней руки, который не знал, сколько лет его сыну. Костюм у него был дорогой, а на запястье сверкали здоровенные золотые часы. Значит, грубиян никак не из списка «Форбс». Олигархи скорее пошлют в банк помощника, и они давно поняли: таскать на запястье кирпич из платины с бриллиантами – это моветон, нынче в моде элегантная строгость: кожаный ремешок и «простые» часы. То, что такой скромненький механизм стоит дороже хорошей квартиры, известно лишь своим.

Я потрясла головой: не стоит сейчас строить предположения по поводу крикуна, он ушел до появления бандитов. Сосредоточимся на свидетелях происшествия.

Глаза обежали зал. Настя находилась у стола, заполняла бланк. Тетка с башней на голове изучала стенд, на котором рекламировались банковские услуги. Бабушка с девочкой топтались по правую руку от меня, возле закрытого окошка с цифрой «2». Но я могу ошибаться, потому что только краем глаза заметила старушку с малышкой, когда ко мне приблизилась Вера.

Я отошла от прилавка, вроде мы с бедняжкой Касаткиной стояли здесь, и что потом? Ворвались двое в черном, начали палить из автоматов длинными очередями. Я свалилась на пол, залезла под стол, попыталась наблюдать оттуда за происходящим, увидела, как кассирша швыряет одному бандиту пачки денег, услышала требование второго снять драгоценности и поспешила спрятать в

корзинке для бумаг свой талисман. Дальше память стала меня подводить. Вроде один грабитель отобрал у меня часы и серьги. Настя в этот момент лежала, уткнувшись лицом в пол, ее голова и верхняя часть туловища находились под столом, а ноги торчали наружу. Не успели мои серьги переключиться к негодяю, как его подельник заорал:

– Серега! Не бери дрянь, там «Милли» лежит и последняя «Шанель»!

Я чуть не заорала от счастья. Вспомнила имя! Но уже через секунду радость померкла. Интересно, сколько мужчин в Москве откликается на имя Сергей? Вот если бы у поганца в паспорте было имя Навуходоносор или Эврипидий, был бы повод ликовать. Увы, «Серега» ничего мне не дает. Надо как следует сосредоточиться. Я опять вернулась к мраморному прилавку, но в голову ничего не приходило. Помню лишь звук выстрела и вижу, как падает Вера, а потом удирают бандиты...

В конце концов ко мне приблизился один из секьюрити.

– Вам помочь?

– Спасибо, не надо, – попыталась я от него отделаться, но он уже поманил девушку в строгом костюме:

– Займись клиенткой.

– Желаете оплатить счет? – заученно улыбнулась сотрудница банка. – Мы рады всем, кто решил стать нашим клиентом.

– Я давно являюсь вашим клиентом, – ответила я, – обслуживаюсь в вип-отделе. Вчера оказалась в зале во время ограбления. Мой психотерапевт посоветовал посетить место происшествия и таким образом восстановить душевное равновесие.

Ресницы служащей взметнулись вверх.

– Ограбления? – с наигранным удивлением воскликнула она. – Вы шутите? У нас не случалось таких инцидентов, но даже если кому-то взбредет в голову

совершить налет на банк, он никогда не полезет в этот зал!

– Почему? – заинтересовалась я.

Девушка спохватилась.

– У нас великолепная охрана и рамка у входа! Пронести оружие невозможно.

– И тем не менее вчера тут стреляли из автоматов, – возразила я, – палили очередями!

– Можно вам воды предложить? – проявила она участие.

– Спасибо, – отказалась я, – лучше просто так посижу.

Служащая сочувственно улыбнулась:

– Сейчас погода меняется, многие на здоровье жалуются, увеличивают дозу лекарств.

– Намекаете на мое сумасшествие? – уточнила я.

– Что вы! – испугалась девушка. – Иногда у совершенно нормальных людей бывают галлюцинации.

– Здесь были бандиты, – отрезала я, – они убили Веру Касаткину, заведующую вип-отделом.

Девушка подвинула ко мне табуретку.

– Присядьте, сейчас позову нашего врача!

Я ухватила ее за руку.

– Как вас зовут?

– Елена Гаврилова, дежурная по залу, – отрапортовала красавица.

– Леночка, – вкрадчиво сказала я, – отлично понимаю, что Михаил Федорович строго-настрого приказал подчиненным держать язык за крепко сжатыми зубами, но мне лгать бесполезно.

Елена чуть наклонилась вперед:

– Вера Касаткина в очередном отпуске, с ней ничего плохого не произошло. Потом она будет руководить нашим филиалом.

Я закатила глаза:

– Ясно! Короче, оставьте меня в покое! Как вкладчик банка я имею полное право находиться в зале и заполнять квитанции, ваша помощь мне не требуется, прощайте!

Гаврилова послушно повернулась, шагнула в сторону, но потом снова вернулась ко мне.

– Я не хотела вас обидеть!

– Конечно, нет, вы просто выполняете приказ управляющего, – отмахнулась я.

Елена обвела рукой зал.

– Говорите, стреляли очередями?

– Я сама слышала, – заверила я ее.

– Ну и где следы налета? – спросила Гаврилова.

Я встала и внимательно оглядела стены. Владельцы банков обычно стремятся создать роскошный интерьер в офисах. Клиент должен понять: он пришел по правильному адресу, здесь не испытывают финансовых проблем, смело тратятся на хрустальные люстры, гранит, наборный паркет и прочие красоты. Одни

банкиры собирают живопись и устраивают выставки, другие организуют благотворительные мероприятия, третьи спонсируют молодые таланты, содержат футбольные команды, и все лишь для того, чтобы произвести выгодное впечатление на вкладчиков. «Комобанк» не исключение, стены здесь облицованы светлым мрамором, мебель стилизована под эпоху классицизма, все очень достойно, богато и шикарно. Гаврилова права, беспорядочная стрельба должна была повредить отделку зала, но панели сверкают чистотой, на них нет ни царапины.

– Странно, – прошептала я, цепляясь за столешницу.

– Вы просто устали, – улыбнулась Елена, – хотите пройти в вип-отдел?

– Не знаю, – растерялась я.

Гаврилова осторожно взяла меня под руку.

– Сюда грабители никогда не полезут! Здесь зал расчетов, мы специально выделили особое подразделение для обслуживания тех, кто оплачивает коммунальные расходы, штрафы, пошлины. В кассе не скапливаются большие суммы. Так, мелочь! Если уж затевать ограбление, то лучше напасть на соседнее отделение, где совершаются операции другого рода. Вот там можно поживиться. Думаете, преступники – идиоты?

– Наркоману и сто рублей пригодятся, – не сдавалась я, – охрана здесь хреновая, вчера у двери было два носорога в темной форме, не похожи они на отважных секьюрити.

Елена кивнула.

– Какой смысл ставить здесь суперпрофи? Хватит и простых мужиков, в их задачу входит не пускать всякий сброд, все тех же героинщиков или мелких воришек.

В вип-отдел я идти отказалась, направилась к «Мини-куперу», посидела некоторое время в машине, еще раз прокрутила в голове вчерашние события, потом оторвала от своей куртки пуговицу, спрятала ее в бардачок, вернулась ко входу в банк и начала с самым деловым видом осматривать ступеньки и небольшую площадку у дверей.

Ждать пришлось недолго, минуты через две высунулся красномордый охранник и хрипло спросил:

– Ищите чего?

– Я клиентка вашего вип-отдела, – завела я, – только что была в зале расчетов, а выходя, лишилась пуговицы. Куртка очень дорогая, сшита из кожи гаванского судака, пуговицы из афрокитайского тополя, если не найду потерю, вещь можно выбрасывать.

– Че, нельзя все эти застежки поменять? – вполне разумно спросил секьюрити.

Я всплеснула руками:

– Испортить дизайнерскую модель? О боже! Лучше помогите мне искать!

Мужик оказался приветливым, он не разозлился на мою просьбу, а стал изучать лестницу, бормоча себе по нос:

– Гаванский судак! Никогда о таком не слышал! А ведь всю жизнь рыбачу!

– Вы же не на Кубе живете, – резонно сказала я. – Кстати, вчера тут стоял другой сотрудник, такой... э... с животом, вот он сразу определил, из кого одежда! Как увидел меня, заявил: «О! Судачок из моря Лаптевых!» [З - Увы, Даша не знает географии, море Лаптевых относится к Северному Ледовитому океану и находится очень далеко от Кубы.] Выловлен около острова Фиделя Кастро!»

Охранник поднял голову.

– Митрич так сказал?

– Точно, – кивнула я, – похоже, он энциклопедически образованный человек, мы с ним потом про черные дыры, клонирование пингвинов и выставку редких книг поболтали.

Секьюрити чихнул.

– Будьте здоровы, – услужливо пожелала я, – живите богато.

– Митрич алкаш, – сказал мужчина, – его сюда из милости взяли, очень уж его жена просила. Наша завкадрами Валентина Иванна больно жалостливая. Она бабе посочувствовала, пообещала мужнину зарплату ей на руки выдавать. Олеська сюда каждый месяц приходит, правда, бежать близко, они вон в том доме живут, оттого она в наш банк и причапала, что он рядом, легко за благоверным смотреть. Вы напутали, Митрич только этикетки на бутылках читает.

– Вы правы, – сказала я, – откуда такому типу знать про море Лаптевых? Наверное, я беседовала с его напарником, они внешне как близнецы.

– Есть сходство, – согласился секьюрити, – но только с виду. Николай Сергеевич наш ветеран, он в банке со дня основания, на самых ответственных постах служил, куда абы кого не назначат.

Я хлопнула себя по лбу.

– Точно! То-то я все мучилась, где его видела. А теперь сообразила! В подвале, в зале спецячеек с новейшим электронным оборудованием, у меня там ящик. И по какой причине столь уважаемого человека перевели в малопrestiжное место? Он провинился? Или пить начал?

Собеседник надулся, а я тут же поняла, что совершила ошибку, назвав зал, который призван охранять этот немолодой кабанчик, «малопrestiжным местом».

– Не положено нам с посторонними болтать, – сердито отреагировал мужик и отвернулся.

– Ой! – воскликнула я, быстро швырнув ему под ноги купюру. – Это что? У вас около ботинка?

– Сто баксов, – ахнул охранник, – наверное, кто-то потерял!

– Что упало, то пропало, – пропела я, – было нашим, стало вашим. Забирайте себе спокойно. Так за что со всех сторон положительный Николай Сергеевич впал в немилость?

«Кабанчик» быстро поднял ассигнацию.

– Секрета тут нет. У него глаукома, он теперь с каплями не расстается. Вот и перевели его в тихую гавань, я тоже сюда по здоровью попал, раньше в инкассаторах трубил. Михаил Федорович – хороший человек, он сотрудников ценит, если зарекомендовал себя с лучшей стороны – тебе зеленый свет! Никогда из-за болезни вон не выставит, непременно работу даст по силам. А уж если ты новичок, как Митрич, то извини! Уволили его, и правильно. С сегодняшнего числа рассчитали, он сам с утра деньги взял, небось уж все пропил.

Я указала на ближнюю башню на противоположной стороне улицы.

– Митрич там живет? Номер квартиры не знаете?

Дверь банка приоткрылась. Высунулся второй охранник:

– Степан Ильич, ты куда пропал?

– Это наш VIP-клиент, – торжественно представил меня Степан Ильич, – Митрича ищет!

– Зачем приличному человеку этот засранец? – ляпнул коллега.

– Дело у ней к нему, – пояснил Степан Ильич, – я дом показал, а квартиру подсказать не могу. Ты случайно не помнишь?

– Я с ним не корефанился, – пожал плечами его коллега, – да у баб во дворе спросите, они вам все доложат, даже про цвет трусов донесут.

– Иди-ка ты на пост, – осуждающе покачал головой Степан Ильич, – лучше стой молча. Разве можно так при женщинах выражаться!

Голова исчезла.

– Вы его извините, – с тяжелым вздохом произнес Степан Ильич, – он сюда по протекции попал, не из кадровых сотрудников.

– Сейчас трудно найти настоящего профессионала, такого, как вы, – польстила я охраннику и пошла к башне.

Двор дома был заставлен машинами, а на крохотном свободном пятачке не нашлось ни одной сплетницы. Вход в подъезд тщательно охранял кодовый замок. Я потопталась у домофона, потом решительно набрала «27».

– Кто там? – спросил дребезжащий голос.

– Почта, откройте! – гаркнула я.

Послышался тихий щелчок, я очутилась в идеально чистом подъезде и увидела полную женщину, восседавшую за столом.

– Вы к кому? – бдительно осведомилась консьержка, отрываясь от журнала с кулинарными рецептами.

– Здесь живет некий Митрич, – сердито воскликнула я, – охранник из банка.

– Ну есть такой, – согласилась лифтерша.

– Пьяница, – старательно завозмущалась я, – если он думал, что его никто не видит, то зря на это рассчитывал!

– Чего случилось? – заинтересовалась консьержка.

– Я оставила машину на парковке, а ваш Митрич ее ключом поцарапал, – всплеснула я руками, – его девушка из соседнего кафе видела! А в банке отказались мне адрес дать, дескать, они его утром уволили! Хорошо, нашелся добрый человек, указал на это здание, правда, квартиру назвать не смог.

Лифтерша отодвинула журнал.

– Вот поганец! Вы на него в суд подайте, авось посадят! Весь дом от него стонет! Олесю, жену его, сначала жалели, а потом перестали, небось нравится ей с алкоголиком жить, еще ухаживает за ним. Вчера вечером ее мужику у лифта плохо стало. А я должна грязь убирать?

– Конечно, нет! – воскликнула я.

Лифтерша кивнула:

– Я так же решила. Поднялась к ним на этаж, вызвала Олесю и говорю: «Бери тряпку и мой за своим принцем». Она ведро с шваброй схватила и вниз. Начала пол замывать и плачет: «Тетя Шура, не сердитесь, у Митрича тяжелое время». В сорок восьмой они живут, оба дома сидят. Не стесняйтесь, заставьте мерзавца заплатить за ремонт: не ваша печаль, где он деньги возьмет.

Дверь мне открыла худая черноволосая женщина, похожая на большую ворону.

– Ищете кого? – испуганно спросила она.

– Митрича, – сухо ответила я, – очевидно, вы Олеся?

Хозяйка нервно заморгала:

– Да, а вы кто?

– Майор Васильева из отдела борьбы с грабителями банков, – сурово представилась я. – У Митрича есть имя?

– Дмитрий Дмитриевич он, – прошептала Олеся и прижала ладонь к груди, – ой!

– Где ваш муж? – не успокаивалась я.

И тут Олеся опомнилась:

– Отдыхает. А вас мы не приглашали.

За соседней дверью послышался осторожный шорох, я кивнула в ту сторону:

– Может, побеседуем в квартире? А то, похоже, здесь есть лишние уши! Или вы хотите стать источником сплетен для жильцов дома?

Олеся посторонилась, и я вошла в крохотную прихожую.

– Где Митрич?

– Он болен, – сникла верная супруга.

– Мне надо задать ему пару вопросов, – не дрогнула я, – что с ним случилось? Грипп? Корь? Коклюш? Или свинка? За меня не волнуйтесь, я обладаю иммунитетом к любой заразе.

Олеся понуро повесила голову, я вынула кошелек.

– Интервью оплачивается.

– Дадите денег? – встrepенулась женщина.

– Если услышу честные ответы на мои вопросы, – поспешила уточнить я.

– Менты за копейку стекло съедят. Вы откуда? – попятилась Олеся.

Я решила изменить тактику.

– Олесенька, я никому не желаю причинить вреда. Вчера во время ограбления банка Митрич мог увидеть что-то интересное. Понимаете, налетчики забрали у меня одну вещь, я хочу ее вернуть!

– Митрич чужого не возьмет, – испугалась Олеся, – он пьет, но не ворует.

– Не сомневаюсь в его честности, – сказала я, – ваш муж поговорит со мной и получит вознаграждение.

– Ему ни рубля не давайте, – попросила Олеся, – сама заберу.

– По рукам, – согласилась я, – ну, где счастье вашей жизни?

Олеся сделала шаг и постучала по двери, украшенной изображением писающего в горшок мальчика.

– Митрич, ау!

– Хр-р-р, – донеслось из туалета, – хр-р-р.

– Митрич, проснись, – надрывалась жена.

– Хр-р-р.

– Вставай!

– Хр-р-р.

– Выходить пора, – заорала Олеся.

–! —! – раздалось из-за двери. – Идти надо?

– Да, – обрадовалась Олеся.

– А какая сейчас остановка? – прохрипел Митрич. – Че, уже рынок? Быстро сегодня дока... ик... ик... доко... ик... ик... докатился!

Олеся подобралась и с размаху пнула дверь ногой.

Я ойкнула, хлипкая створка начала медленно падать, Олеся шмыгнула на кухню. Я бросилась за ней, обняла ее и попыталась утешить.

– Не расстраивайтесь, я сама когда-то жила с пьяницей.

– Не похоже что-то, – прошептала Олеся, вытирая лицо полотенцем, – одеты модно.

– Так мы давно развелись, – пояснила я.

– Небось ты себе хорошего нашла, – тоскливо протянула хозяйка квартиры, – где только бабы нормальных мужиков берут? Аж завидно. Я ведь не против, ну отдохни в субботу, в праздник прими для веселья, но не каждый же день!

– Лучше не связывать свою судьбу с пьянчужой, – посоветовала я, – уходите от него.

– А квартира, – встрепелась Олеся, – добро нажитое? Телевизор, холодильник, три ковра, шесть бокалов хрустальных. И Митрич без меня пропадет.

– Здравсти, – разнеслось по кухне.

Мы с Олесей одновременно обернулись на звук. На пороге стоял растрепанный, небритый, но на вид кристально трезвый герой дня.

– Сел в маршрутку, заснул от усталости, так водила меня по башке огрел, – пожаловался он, – во народ! Понаехали в Москву, с гор спустились и свои порядки устанавливают! Так меня треснули, что не помню, как до квартиры дошел!

– Первый раз встречаюсь со случаем парадоксального отрезвления, – пробормотала я, – слышала, что алкоголику надо уши сильно потереть, вроде это помогает.

Олеся почесала щеку.

– У Митрича особенность такая. Если его по башке охреначить, он станет как стекло!

– Остекленевший, – не удержалась я.

– Не, трезвый, – возразила Олеся.

– Оригинально, – удивилась я. – Вы не пробовали бить мужа по голове каждый раз, когда он водкой наливается?

Олеся потупилась.

– Пользуюсь. Помогает отлично.

– Че у нас с дверью в туалет? – мирно спросил Митрич, протискиваясь за стол. – Опять упала?

Олеся кивнула, алкоголик поморщился.

– Ну народ! Кривой дом соорудили! Десятый год в нем живем, и створка все время валится. Все! Надоело ее чинить! Сделаю занавеску!

– Не надо, – встревожилась Олеся, – без двери неудобно.

– Привыкнешь, – сурово распорядился муж.

– Если повесить портьеру на толстую деревянную палку, тоже неплохо получится, – дала я Олесе совет, – хотя нет стопроцентной уверенности, что она при падении Митрича по башке огреет.

– Давай борща! – стукнул кулаком по столу Митрич.

– Ты его съел, – ответила жена.

– Когда?

– В обед, – терпеливо сказала Олеся.

– Я сегодня не жрал, – нахмурился муж.

– Еще как нахлебался, – вздохнула жена, – три тарелки слопал и водкой запил.

– А не ври-ка, – начал закипать алкоголик, – я только с работы пришел, ноги от ходьбы гудят.

– Вроде бы ты откуда-то на маршрутке ехал, – поддела его жена.

– Вы ходите на службу в майке, трениках и небритый? – вмешалась я в их разговор.

– Погодите, мама, – отмахнулся от меня, словно от надоедливой мухи, Митрич, – вас в гости не звали, коли сами приперлись, жуйте тряпку, лучше б дочь нормально воспитали.

– Побойся бога, – всплеснула руками Олеся, – моя мать пять лет как померла, ты еще на поминках редькой в масле объелся!

Лоб Митрича собрался складками, брови сдвинулись к переносице.

– А и правда, – загудел он, – что ж это получается? Она вернулась? За что мне такое? Сгиньте, мама, ваше время истекло, дайте людям пожить нормально. Кыш на тот свет!

Олеся схватила с плиты эмалированный ковшик и треснула мужа по затылку. Митрич ударился лбом о стол, икнул, потом принял вертикальное положение и спросил:

– Какой месяц на дворе?

– Октябрь, – ответила я.

– Зима пришла, – мечтательно протянул Митрич, – надо бы к мамке в Ковров скатать. Чеснок сажать пора, одна живет мамонька, помочь ей, кроме сына, некому.

Олеся быстро перекрестилась.

– Померла она, слава богу.

Митрич привстал.

– Давно?

– В две тысячи первом, – радостно сообщила жена.

– Что, совсем убралась? – растерялся муж.

– Кабы наполовину, я б давно сама на кладбище оказалась. Очень требовательная женщина, все ей поперек характера было, – призналась Олеся, – дочерей извела, зятьев, одну меня догрызть не успела, вылезла я из ее когтей живая.

– Так я сирота? – взвыл Митрич. – Ой, горюшко!

Олеся открыла шкафчик, добыла оттуда чугунную сковородку, размахнулась...

– Стой, – испугалась я, – понимаю, что ты ударами его переключаешь, как радиоприемник с одной станции на другую, но мне с ним поговорить надо, а чугунина очень тяжелая.

– В самый раз, – азартно выкрикнула Олеся и опустила сковородку мужу на темечко.

Лоб Митрича снова встретился со столом, пьянчуга коротко икнул, выпрямился, улыбнулся и сказал:

– Вставать на службу пора! Утро красит ярким светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская земля!

Олеся опустилась на табуретку.

– Теперь можете говорить, Митрич в адеквате. Только у него сейчас вроде как шесть утра, но это беседе не помешает.

Глава 7

Услышав мой первый вопрос, Митрич стал отрицать очевидное.

– Не помню налета! Нормальный день был, с удачей! Никаких морс-фажоров!

– Форс-мажоров, – машинально поправила я. – Вы считаете ограбление нормой? В банк часто заглядывают бандиты? Лучше не врите.

Алкоголик пощупал рукой затылок.

– В голове мутно, но память не спит! Я отработал без проблем.

Я уперлась кулаками в стол.

– Попробуйте внимательно меня выслушать, для простоты восприятия буду краткой. В банке несколько помещений, в них с улицы ведут разные входы. Налетчики по неясной причине решили пожить в отделе коммунальных платежей. Навряд ли двое парней с автоматами просто шли по улице и вдруг подумали: «Залезем в банк, срубим рублишек на кино». Так дела не проворачивают. К нападению готовятся, изучают план здания, проверяют пути отхода, выясняют день, когда в кассах бывает наибольшее количество денег. Цель грабителей – миллионы. Ну а теперь объясни, зачем вламываться туда, где платят за квартиру и свет, когда чуть поодаль есть помещение с куда более серьезными суммами?

Митрич нахмурился.

– Я здесь ни при чем.

– Не перебивай, – приказала я. – У налетчиков были автоматы, но при входе в банк стоит рамка, миновать ее нет ни малейшей возможности. Если попытаться пройти сквозь нее с оружием, моментально прозвучит сигнал. Дальнейшее развитие событий зависит от действий секьюрити. Если датчик среагировал на тихую старушку размером с кролика, то охранник попросит ее открыть сумочку и, вероятнее всего, обнаружит железный совочек, засунутый туда внуком. Или пенсионерка расскажет о титановом тазобедренном суставе, который ей вшили после перелома... В любом случае божий одуванчик не представляет опасности, хотя, конечно, бывают разные варианты. Но вот парень, облаченный в черный костюм, шапку-шлем с прорезями для рта, глаз и носа, сжимающий в руке автомат, явно притопап в банк не для того, чтобы оплатить счет от ветеринарной клиники за лечение своего хомячка. Ладно, ты не заметил оружия, решил, что «люди в черном» просто модники в эксклюзивной одежде от экстравагантного модельера, но почему не пищала рамка? Я бы непременно услышала звук, он весьма пронзительный.

Митрич сосредоточенно слушал меня, но никак не реагировал, я продолжала:

– Банк оборудован системой сигнализации, ответственные сотрудники имеют тревожные кнопки, думаю, они двух видов: стационарные и на брелке. Неужели у охранников нет подобных приспособлений?

Алкоголик покрутил шеей.

– Есть спецпедаль, она спрятана под тумбой, около которой старший по смене стоит.

– Так почему ее не нажали? – не успокаивалась я. – Отчего не было рева сирены?

– Фиг его знает, – пробормотал Митрич.

Я поерзала на неудобной табуретке.

– Могу подсказать ответ на этот вопрос. Рамку отключили, и сделал это Митрич, который сейчас пытается изобразить, что ничего не слышал о преступлении.

– Чегой-то я? – отпрянул алкоголик.

– А кто? – пожала я плечами. – Ни кассиры, ни тем более посетители не имели возможности обесточить рамку. Вас у входа было двое: Николай Сергеевич, ветеран труда, положительный человек, ранее охранявший самые секретные отделы банка, и ты, Митрич. Тебя недавно приняли на службу из чистой жалости. И тебе постоянно нужны деньги на выпивку. И кто из вас польстился на вознаграждение от грабителей?

– Митрич не вор! – выкрикнула Олеся. – Поставь около него ящик водки, без спросу не возьмет!

Я по достоинству оценила ее выступление.

– Сильный аргумент, но иногда люди отступают от своих принципов.

Олеся стиснула кулаки.

– Валите все на нищих!

Митрич стукнул кулаком по столу.

– Не пыхти! Сам разберусь! Не было никакого разбоя! А может, и был! Не знаю!

Мне стало смешно.

– Митрич! Тебе же не десять лет! Расскажи, кто тебе предложил...

Хозяин схватил стеклянный кувшин, наполненный жидкостью красного цвета, со стоном выхлебал его содержимое и вдруг совсем по-детски сказал:

– Чес слово, не помню! Повело меня от чая на сторону, наверное, тама слишком много кукулеки было!

Олеся тяжело вздохнула и вновь потянулась к сковородке, но я успела схватить ее за рукав:

– Погоди, Митрич вполне адекватен. Если я правильно поняла, некто угостил его чайком с загадочной кукулекой.

– Николай Сергеевич поделился, – кивнул бывший охранник, – у него баба заботливая, дает с собой бутеры вкусные и термос. Еще у Николая фляжка есть, он ее на пост берет, если засыпать начинает, хлебанет и очухивается, чай тама с травой кукулекой.

– Может, с элеутерококком? – предположила я.

– Во! – обрадовался Митрич. – Точняк! Николай жалуется на пониженное давление, у всех оно вверх скачет, а у него обваливается, вот ему жена и делает микстуру. Николаша не жадный, он меня частенько угощает. Вштыривает знатно, потом всю смену стоишь огурцом.

– И вчера он с вами этим питьем тоже поделился, – без тени сомнения сказала я.

– Наплескал, – согласился Митрич, – но мне не понравилось. Какой-то горьковатый отвар оказался, обычно кисленький, на заварку с лимоном смахивает. Николай сказал, его баба кукулеки переложила.

– Ой, дурак, – ожила Олеся, – раз от чая отворачивало, даже пробовать не надо было. Лизнул чуток, покорило тебя – вылей, организм подлянку чует.

– В принципе я с тобой согласна, – поддержала я хозяйку.

– Николая обижать не хотел, он от чистого сердца предложил, – заявил Митрич.

Я решила не обсуждать больше эту сложную этическую проблему.

– Хорошо, угостились, что дальше?

Митрич громко рыгнул.

– Сначала ничего, потом плохо видеть стал, вроде свет притушили. Я у Николая спросил: «Кто люстру вырубил?» А он не ответил, рот, правда, разевал, а слов не слышно.

– Понятно, – вздохнула я, – могу предположить, что после этого вы отключились.

– Земля закачалась, ваще ничего не помню, – признался Митрич, – потом вдруг увидел Михаила Федоровича. Как я в комнате отдыха охраны очутился – не знаю. Открываю глаза – управляющий стоит и злым голосом требует: «Эй, очнись!» Короче, выперли меня вон. Он сказал, что я пьяным на работу вышел, упал у дверей, создал опасную ситуацию для клиентов и сотрудников, наплевал на их безопасность, всунули мне конверт в зубы и под зад ногой.

– А что было в конверте? – проявила я любопытство.

– Деньги, – пожал плечами Митрич, – зарплата.

– Странно, по идее, банк мог вам не платить, – удивилась я, – наоборот, еще бы и оштрафовали за безобразное поведение. Пожалуйста, попытайтесь вспомнить, в котором часу Николай с вами чайком поделился.

– Мы у двери стояли, – уточнил пьянчуга.

– Когда в банке началась заваруха, сколько времени на часах было? – изменила я вопрос.

– Я на них не гляжу, – засопел алкоголик, – далеко висят, а своих нет, и бандитов не припомню, клиенты не буянили.

– Можете описать посетителей? – не отставала я.

Митрич подергал себя за ухо.

– Баба с ребенком, девчонка все время капризничала. Еще бухгалтер!

Я сделала охотничью стойку.

– Вы знаете женщину?

– Нет, – зевнул собеседник.

– Но называете ее бухгалтером, – напомнила я.

Митрич принялся делать круговые движения руками.

– Волосы такие... высокие... их обычно бабы из бухгалтерии в стог укладывают. Я не первую работу меняю, везде главбух так выглядит.

Хозяин умолк и уставился в окно.

Я решила его поторопить.

– Значит, две посетительницы?

Митрич заморгал:

– Не-а! Еще девка, тетка и мужик.

– Хорошо одетый бизнесмен, хотел внести плату за детский садик, – кивнула я.

– Орал сильно, – вынырнул из нирваны алкоголик, – перепутал квитки!

– У вас отличная память, – обрадовалась я.

– И жирдяйка, – объявил Митрич, – толстуха!

– Такой не было, – возразила я.

– А ты откуда знаешь? – фыркнул пьяница и в тот же момент щелкнул пальцами. – Я тебя вчера видал! Стояла в стороне, ничего не делала! Сумочка на плече висела.

– Да, я заходила в зал, – признала я, – поэтому совершенно уверена: полной женщины там не было.

– Неправда, – уперся Митрич, – жирдяйка за фикусом копошилась, у предбанника, который ведет в туалеты и к служебному лифту, там еще здоровенная тумба с деревом стоит. Для красоты поставили.

Я порылась в памяти и вынуждена была признать:

– Не смотрела в ту сторону.

– Тогда не спорь, – без всякой агрессии велел алкоголик, – баба еще в кепке была, долго возилась за растением.

– И вас не заинтересовала клиентка, которая спряталась за фикус? Хороша охрана! – разозлилась я.

Митрич взял со стола чайную ложку и легко ее согнул.

– Никакая она не вкладчица. Наша, банковская. С бейджиком. Вошла с улицы, шмыг за кадушку! Старательная!

Я удивилась:

– Сотруднице незачем таиться в укромном углу!

Бывший охранник встал, открутил кран, набрал в стакан холодной воды и одним глотком выпил.

– Уборщица она! На бейджике буквы «М» и «Ч», на куртке написано «Отмываем все, кроме денег». Таких в банке много, везде шныркают, моют, трут, чистят. Михаил Федорович может за соринку скандал устроить. Мы с Николаем на пост заступили, потом поломойка пришла, сначала на улице пыхтела, ступеньки мыла, ходила между раздвижными дверьми, затем за кадку двинула. Говорю же, старательная, наверное, недавно нанялась. По первости все из штанов выпрыгивают, а потом косячить начинают. И...

Митрич примолк, я потрясла его за плечо:

– Эй, выйди из тьмы.

– Коротнуло там, – вдруг невпопад сказал он, – вспыхнуло ярко!

Я покосилась на сковородку, может, мозг алконавта перенес его в другую действительность и пора применять чугунотерапию?

– В глазах запрыгало, голова заледенела, – продолжал ничего не подозревающий о моих намерениях Митрич, – в носу ветром зашуршало, уши во тьму ушли.

Мне стало смешно: последний пассаж про уши прозвучал особенно интригующе.

– Вбок меня потянуло, – описывал свои ощущения Митрич, – в пену засосало. Я стал задремывать, тут из-за фикуса яркий свет вспыхнул. Коротнуло! И все погасло. Чернота пришла! Тьма египетская!

А Митрич, похоже, поэт! То у него органы слуха скрываются в сумерках, то электричество шалит, устраивает в банке «тьму египетскую». Мне нравится рассказ об уборщице, которая, старательно протирая кадку, повредила проводку. Фикусы, знаете ли, всегда подключены к розеткам.

Митрич опять рыгнул и начал валиться на стол.

– Адрес Николая Сергеевича скажи! – заорала я.

Алкоголик завис в Г-образной позе:

– Улица Волкова, дом сто восемь, квартира семь, вход со двора, теща – сука.

Голова Митрича с треском опустилась на клеенку, глаза сомкнулись, раздался храп.

– Все, – констатировала Олеся, – теперь хоть топором бей, он не очнется. Интересно человек устроен. Может, мы с другой планеты, оттого и странные.

Я протянула ей деньги. Очень надеюсь, что мои предки и родичи Митрича прилетели на Землю из разных галактик. Не хочется даже думать, что у нас с пьянчужой есть некое генетическое сходство. Хотя у алконавта завидное здоровье, годы потребления «огненной воды» не повредили его мозг. Ну и где справедливость? Я почти не прикасаюсь к рюмке, стараюсь питаться здоровой едой, веду правильный образ жизни... и регулярно падаю в кровать с мигренью. А Митричу все трын-трава. На моих глазах он сначала дверью по башке получил, затем эмалированным ковшиком, потом тяжелой сковородкой – и хоть бы хны! Ни разу на головную боль не пожаловался. И какая память! Уходя в астрал, без запинки назвал координаты Николая Сергеевича, а мне, чтобы вспомнить почтовый адрес Оксаны, с которой дружу всю жизнь, приходится лезть в телефонную книжку!

Глава 8

Проезд к дому второго охранника заслонил автобус, нагло вставший прямо посередине узкой заасфальтированной дороги. От выражения возмущения меня остановила табличка со словом «Ритуальный» на ветровом стекле. Пришлось бросать «Мини-купер» у магазина и пробираться сквозь толпу соседей, которая собралась у входа в подъезд. Из него выбежал мужчина, одетый в слишком узкий черный костюм.

– Люди, осторожно, лестница! – нервно восклицал он. – Умоляю, лестница! Помните про ступени!

Мне стало почти до слез жаль вдовца, тяжело потерять любимую жену, тут недолго и умом тронуться, гроб уже в автобусе, а несчастный ни к селу ни к городу вспоминает про лестницу.

Тетки вокруг меня стали перешептываться.

– Ох, бедолага!

– Страшно Юрке, вот он и нудит!

– Юра, – позвали из автобуса, – залазь!

– Ступеньки, – всхлипнул мужчина, – я не переживу, если они споткнутся! Умру в секунду!

– Хватит горлопанить, – оборвал вдовца прокуренный бас, – не бойсь! Нету здесь лестниц.

– А в крематории? – напрягся несчастный муж. – Там полно! Обложите гроб поролоном! Пусть на тележке везут! Нести не надо. Не встряхните домовину! Умоляю!

Из автобуса выскочили два парня, бесцеремонно подняли мужичонку и забросили в салон.

– Вот грубияны, – не сдержалась я.

– Иначе Юрка не сядет, – пояснила одна из соседок.

Я редко осуждаю людей, но сегодня не утерпела:

– Разве можно так себя вести? У человека горе, он неадекватен, про лестницу твердит, не останавливается. Надо врача позвать! Дать ему валерьянки!

Тетки фыркнули. Одна, самая бойкая, ткнула пальцем в сторону удаляющегося «Икаруса»:

– Галка Юрку со свадьбы изводила, била его, деньги отнимала, вечно орала. Муж у нее в прислугах ходил, рот открыть боялся. Десять лет назад Галка померла, осложнение после гриппа случилось. Юра для приличия заплакать хотел, но у него не получилось. Никто мужика не осуждал, наоборот, радовались люди. Юрка участливый, чего ни попросят – сделает, всем здесь мебель чинит. Галка же скандалистка была, на соседей в милицию жаловалась, с часами стояла, если кто ремонт завел: едва время выйдет, она к участковому: «Оштрафуйте строителей, они в поздний час стены долбят».

Я понимаю кивнула. Когда-то под нашей с Кешей квартирой обитала Любовь Ивановна Пызникова. Вежливая тетенька всегда здоровалась с нами в лифте и произносила дежурную фразу:

– Отвратительная погода на дворе.

Где работала Любовь Ивановна, я не знаю, может, в школе? Было у нее в глазах выражение скрытой беспощадности, какое порой мелькает на лицах злых педагогов. У нас с Кешей в то время была крохотная собачка по кличке Снапик, мы нашли несчастное животное на берегу пруда и выкормили слепого щенка из пипетки. Поскольку мать Снапика во время беременности не получала ни витаминов, ни минеральных подкормок и питалась чем бог пошлет, ее сыночек получился маленьким, он легко умещался в моем кармане и весил менее килограмма.

Каждый вечер, примерно в девять часов, Любовь Ивановна начинала стучать по батарее, а спустя минут десять заявлялась к нам собственной персоной и заявляла:

– Прекратите шум! Из-за вас я не могу узнать о событиях в мире! Программу «Время» нужно смотреть в полной тишине.

Вначале я пыталась беседовать с Пызниковой как с нормальным человеком, терпеливо отвечала:

– Аркаша уже спит, а я спокойно сижу в кресле и читаю.

– Не надо лгать! – отвечала Любовь Ивановна. – У меня над головой грохочет молотилка.

В таком духе мы препирались целый месяц, а затем Пызникову осенило. Когда я в очередной раз распахнула дверь и увидела красную от злости соседку, она заорала:

– Бессовестные! Ваша собака носится по моей голове, цокая когтями!

От столь неожиданного заявления я растерялась, но возразила:

– Снапик меньше кофейной чашки, он передвигается практически бесшумно.

Но Пызникова только сильнее обозлилась.

Через месяц к нам пожаловал участковый и показал донос. Документ на пяти страницах поражал своим размахом. Любовь Ивановна припомнила все прегрешения соседки Васильевой: два раза в неделю возвращается домой после одиннадцати вечера, несет в авоське овощи, с которых на общую лестницу сыплется пыль, слишком часто к Дарье заглядывают гости, они вытаптывают плитку на полу подъезда... В особенности меня умилил последний пассаж кляузы: «В квартире гр. Васильевой живет опасное животное, бегающее с ужасающим грохотом, из-за чего я не могу нормально есть, спать, работать и гулять по улице».

Я продемонстрировала участковому Снапа. Милиционер сначала долго шурился, пытаясь обнаружить «слона» в диванных подушках, а потом развеселился и сказал:

– Пойду к Пызниковой, разберусь.

Часа через три, когда я начисто успела забыть о представителе власти, он снова возник у меня в прихожей и, вытирая пот со лба, сказал:

– Устал, как Савраска, но договорился с Любовью Ивановной, она больше не станет тебя тревожить и заявления мне строчить.

Я захлопала в ладоши:

– Огромное спасибо!

– Погоди, – притушил мою радость участковый, – есть одно условие. Снапик должен ходить дома в шерстяных носках и валенках.

Я от удивления сморозила глупость:

– Где можно купить для собачки валяную обувь?

Милиционер пожал плечами:

– Без понятия.

Валенки для Снапуна я искать не стала, Пызникова продолжала наведываться к нам с Кешей ежедневно до тех пор, пока мы не перебрались на другую жилплощадь. Понимаете, почему меня не удивило сообщение о скандальном характере покойной Галины? В каждом доме непременно найдется борец за правду и справедливость. Вот послушайте дальше. Избавившись от Пызниковой, я встретила на новом месте обитания человека по фамилии Татарников. Первый раз увидела его на лестничной площадке с линейкой в руке около своей двери.

– Возмутительно, – заорал старик, – вы обили кожзамом дверь и сократили тем самым лестничную клетку на три миллиметра. А если пожар? Или наводнение? Цунами?

– В Москве? – хихикнула я. – С таким же успехом можно опасаться быть съеденным бенгальским тигром, эти хищники массово обитают у входа в метро.

Татарников юмора не понял и стал бегать по разным инстанциям, требуя, чтобы я содрала дерматин. Самое удивительное, что отвязный скандалист жил на этаж выше нас с Кешей, мы ему ничем не мешали, просто у него был потрясающе вздорный характер, и, вероятно, он питался отрицательными эмоциями.

– Вздорная баба, – продолжала тем временем соседка, – всех на место ставила, поучала, мораль читала. Чужих детей наказывать пыталась!

– Десять лет назад померла, – включилась в разговор симпатичная толстушка, – положили Галку в гроб...

– Эй, стойте, – затрясла я головой, – вы ничего не путаете? Вроде как ее сегодня на кладбище повезли.

– Верно, – хором ответили сплетницы.

– В двухтысячном ее инфаркт хватил, – уточнила толстушка, – приехала «Скорая» и отволокла Галку в морг.

– На третий день ее хоронить стали, – вмешалась другая тетка, – несут гроб вниз, лифта у нас нету, короче, споткнулись мужики о ступеньку и уронили домовину.

Я поежилась:

– Неприятное происшествие.

– А Галка очнулась! – подпрыгнула соседка. – Села на полу и спрашивает: «Какого черта?»

– Летаргический сон! – с умным видом заявила ее подружка, и женщины заговорили, перебивая друг друга:

– Врач сказал: «Такое раз в сто лет случается».

– Юрка жену бальзамировать не стал, денег у него не было, ее просто в холод сунули.

– Если б не споткнулись, ее б закопали.

– Она еще десять лет прожила.

– А позавчера откинулась, вот почему Юрка без остановки про ступеньки лопочет!

– Боится, что Галка снова воскреснет! – завершила толстушка. – Я его понимаю. Надеялся свободным стать, а сам еще на червонец в рабство угодил, так и свихнуться недолго.

Толпа начала редеть, я подождала, пока основная масса людей разбредется, поднялась к квартире Николая Сергеевича и позвонила в дверь. Спустя некоторое время мне стало ясно: дома никого нет. Я порылась в сумке, нашла блокнот, ручку, нацарапала короткую записку, спустилась во двор, села в свою машину и услышала бодрое пение мобильного:

– Даша? – прохрипел незнакомый голос. – Вы просили Николая Сергеевича позвонить?

– Это вы! – обрадовалась я. – Можно к вам зайти? Хочется задать вам пару вопросов.

– Валяй, – милостиво разрешил охранник, – только тихо, в дверь не колоти. Ленке в ночную выходить, она спать легла.

Я вернулась в подъезд, увидела, что записка, засунутая между косяком и створкой, пропала, и замерла в ожидании. Минут через пять соседняя квартира приоткрылась, на лестничную площадку выполз древний дед, похоже, участник сражения войска Александра Невского с псами-рыцарями.

– Быстро прилетела, – просипел он, – ну, спрашивай. Только каждый ответ свою цену имеет.

– Вы Николай Сергеевич? – недоверчиво уточнила я.

Старичок, еле державшийся на ногах, никак не походил на бравого секьюрити. Если Михаил Федорович назначил подобную личность охранять вход в зал расчетов, значит, управляющий принадлежит к уникальной породе бизнесменов, для которых основная задача – благополучие служащих, а не получение прибыли. Вы встречали таких финансистов? Я нет. Тогда сделаем другое предположение: Михаил Федорович настолько не боялся эксцессов в зале коммунальных платежей, что решил сэкономить, поставил у входа не нормального охранника, а, так сказать, его дисконт-вариант.

– Нет, – кашлянул дедок, – меня Алексеем Сергеевичем кличут. Я записку увидел, прочел и решил тебе помочь. Сколько дашь за его адрес? Уехал Колян.

– Далеко? – приуныла я. – Надолго?

Алексей Сергеевич сделал выразительный жест пальцами, я вытащила из кармана кошелек.

Дед живо заныкал купюру в домашнюю тапку.

– Колька на две недели подался в деревню, отпуск у него с сегодняшнего утра. Рано они с женой и тещей отвалили, едва пять на будильнике натикало, как Колян нам свою кошку принес. Он Мусю всегда Ленке оставляет, запас корма припрет, матрас, миску. Ну, типа, все! Приходи в конце месяца.

– Вы обещали сообщить, куда уехал Николай! – напомнила я.

Алексей Сергеевич вытащил пачку дешевых сигарет.

– С Курского вокзала надо около часа ехать на электричке, потом на маршрутке через лес и пешком недолго.

– Отлично, осталось услышать, как называется деревня, – взбодрилась я.

Дедуля затянулся дымом.

– Обычно. Александровка, Петровка или Павлово.

– То есть вы не знаете? – констатировала я.

– Знаю, но забыл, – с достоинством возразил старичок, – вот улицу помню, где изба стоит, Ленинская. Да ты не горюй, вернется Колян, я ему тут же о тебе расскажу.

– И на том спасибо, – кивнула я и побежала по лестнице вниз.

Если пытаешься найти некую вещь или улику и терпишь полнейшее поражение, не стоит впадать в уныние, лить слезы. Какой смысл посыпать голову пеплом, а раны солью! Нужно решать проблему. Лучше всего вернуться на исходную позицию и начать все сначала, твердо зная: всегда остаются следы, ничто и никто не растворяется в воздухе, и если ты до сих пор не подцепил ниточку, значит, был недостаточно внимателен и не умеешь мыслить логически.

С трудом найдя для «Мини-купера» свободное место на парковке, я медленно пошла к банку и притормозила у газетного ларька. Неужели вышла новая книга Милады Смоляковой «Правда с три короба»? Таковую я еще не читала.

– Дайте новинку, – попросила я у продавщицы.

Она бросила на прилавок... газету «Фонарь».[4 - Название придумано автором, любые совпадения случайны.]

– Мне детектив Смоляковой, – поправила я.

– Видите вход в банк? Его вчера ограбили, в «Фонаре» есть все подробности, – заговорщицки сообщила ларечница.

Я тут же забыла об опусе любимой писательницы.

– Сколько стоит газета? Никогда раньше ее не покупала.

– Десять рублей, – прозвучало в ответ. – «Фонарь» прежде никто не брал, помирал еженедельник, а недавно прямо ожил! Три выпуска размели! В первом рассказывалось, как у солистки группы «Киски» ребенка украли. Во втором в подробностях описали, чего у актера Полуянова сперли, а сегодня про банк. «Желтуха» и «Треп» локти от злости грызут, они все сенсации прошляпили, ничегошеньки не знали, а «Фонарь» в курсе. Если так дальше пойдет, еженедельник скорехонько их с рынка вытеснит. Кто ни подходит, его просит. «Желтухи» я сегодня всего две штуки продала, а «Фонарь» последний, берите, не пожалеете!

Я развернула газету. Через две полосы шел крупный заголовок «Банк не играет ва-банк». Тут же были фотографии отличного качества. Снимки папарацци часто слишком темные или, наоборот, светлые, размытые. Попробуй щелкнуть знаменитость, которая категорически не желает попасть на страницы желтой прессы. Конечно, на гламурных вечеринках звезды охотно позируют на фоне рекламного баннера спонсора. Селебритис надели шикарные наряды, сделали укладку, макияж и готовы показаться во всей красе. Но «Желтуху» и «Треп» интересуют иные кадры. Певичка в потертых джинсах пинает на бензоколонке чужую машину, актер дерется с поклонницей, муж и жена, оба знаменитые спортсмены, выходят рано утром из гостиницы. Последний пример кажется вам не эпатажным? Супруги вольны ночевать в любом месте. Конечно, если только это не чужой муж и не чужая жена! Чтобы заполучить подобные снимки, папарацци вынуждены сидеть в засаде, часами ожидать удобного момента и ради эксклюзивности кадра жертвуют его качеством.

Но к снимкам в «Фонаре» трудно придраться. Более того, репортеру удалось запечатлеть кульминационный момент налета. Я, затаив дыхание, стала изучать большое фото. Посередине зала человек в черном, его правая рука поднята, в ней автомат. Из-под большого стола виднеются две руки, они принадлежат Насе. Меня не видно, я целиком в укрытии. «Бухгалтер», оставим даме данную Митричем кличку, замерла у стенда. Из окошка с надписью «Касса» высовывается круглое личико служащей банка, на котором написан настоящий ужас. Около кассирши маячит второй бандит с сумкой. Охранники ничком валяются на полу, кто из них Митрич, а кто Николай Сергеевич, понять невозможно. Бабушка с ребенком разделились, старуха очутилась возле предбанника, который ведет к туалетам и служебному лифту, девочка осталась одна посреди зала. Вера лежит чуть поодаль от малышки.

Взгляд переместился на текст.

«Ограбление «Комобанка» произошло в тот час, когда домашние хозяйки ходят за покупками. Слава богу, в момент ограбления в зале находилось лишь несколько посетителей, все остались живы, тем, кто от пережитого кошмара потерял голову, оказана необходимая помощь. Мы не можем назвать фамилии пострадавших, банк тщательно оберегает права клиентов, но нам удалось побеседовать с кассиром, чью фамилию мы в целях безопасности не называем.

– Вы испугались, когда увидели бандитов?

– Очень.

– И как реагировали?

– Хотела нажать тревожную кнопку, но не смогла, ноги одеревенели, а потом подошел грабитель и приказал: «Гони бабки, увижу, что вызываешь охрану, и ты покойница».

– Вы достали наличные?

– Конечно, нас инструктируют во время совещаний: не спорьте с налетчиками.

– Сколько забрали преступники?

– Сто тысяч.

– Уточните, евро или долларов?

– Рублей.

– Не густо, ради такого наvara не стоило затевать ограбление.

– Я думаю, это репетиция. Когда я училась в финансовом институте, нам рассказывали, что, задумывая крупное дело, бандиты устраивают тренировки, особенно если в их группе есть новичок. Выбирают небольшой банк и потрошат его.

– Интересная теория. Значит, через некоторое время стоит ждать другого налета? На один из крупных банков?

– Наверное.

– Похоже, вкладчики «Комобанка» должны занервничать. Судя по вашим словам, преступники пришли в зал расчетов, потому что он не соответствует стандартам безопасности?

– У входа стоят охранники.

– Которые моментально упали на пол и не стали защищать клиентов.

– Я кассир и не могу ни критиковать, ни обсуждать действия службы безопасности.

– Но секьюрити имеют оружие! Они обязаны были его применить!

– В зале находились посетители, их могли ранить. Слава богу, никого не зацепило.

– Зато погибла Вера Касаткина, ваша сотрудница.

– Я не понимаю, почему Верочка спустилась в наш зал. Она начальник VIP-отдела, обслуживает людей на другом этаже. Касаткина крайне редко бывает в расчетной части.

– Это карма. Ей было суждено умереть.

– Ужасно! Один выстрел – и нет человека, надеюсь, мерзавцев поймают и посадят навсегда за решетку.

Читайте «Фонарь». В следующем номере новые шокирующие фото, только горячая информация и материалы с мест событий, куда мы приезжаем первыми и единственными. Серж Вит, снимки автора».

Глава 9

Бросив еженедельник в машину, я вошла в банк, взяла со стола какой-то бланк и сделала вид, что его заполняю. Теперь, поговорив с Митричем и внимательно изучив фото в «Фонаре», я могла под другим углом посмотреть на место происшествия. Если чуть подумать, то станет ясно: папарацци, который сделал эксклюзивные кадры, должен был стоять там, где располагаются туалеты и служебный лифт. Я, стараясь не привлекать к себе внимания, отправилась к сортирам. Да, абсолютно правильно, именно тут он и расчехлил свою оптику. Только из одной точки можно охватить стол, кассу, «бухгалтершу», старуху и девочку. И эта точка находится за кадкой с растением, которое Митрич без затей назвал фикусом. Я осмотрела деревянную бадью и угол. Широкие глянцевые листья служат отличным укрытием, а за фикусом хватит места для человека даже крупной комплекции. Журналист пришел в банк и спрятался в укромном уголке. Когда грабители влетели в зал, папарацци начал съемку, затаился до той поры, пока местная служба безопасности не навела порядок и не отправила дрожащих от страха клиентов в кабинет управляющего. Но как парень остался незамеченным? И если фотограф заблаговременно занял позицию за растением, то, получается, он знал о предстоящем нападении? Следовательно, Серж Вит либо член банды, либо знаком с головорезами. Но существует третий вариант событий. Корреспондент зашел сюда, потому что захотел в туалет. Может, он клиент банка и в курсе, что любого человека беспрепятственно впустят в зал, где оплачивают счета, и там есть комфортабельный, очень чистый санузел.

Дальше просто. Парень задержался в сортире, услышал шум, выскочил, шмыгнул за кадку и нащелкал кадров. Но почему он не вышел, когда появились охранники? Кого боялся? Преступники испарились, можно было побеседовать со свидетелями. Любой борзописец мечтает очутиться в центре событий, газеты платят хорошие деньги всем, кто сообщает им новости. Сотрудники «Скорой помощи», пожарные, милиционеры, врачи и медсестры – многие получают вознаграждение, если звонят в определенные издания с заявлением: «Сегодня актриса N подралась со своим любовником, режиссером М, и оба были доставлены в клинику».

Часто информатор, чтобы заработать побольше шуршащих бумажек, работает на несколько фронтов, оповещает конкурентов: «Желтуху», «Треп» и так далее. Чем скандальнее события, тем большее количество объективов бывает на месте происшествия. Но вчера возле банка царила тишина. А я отлично знаю, что репортеры прослушивают милицейскую волну. Если вызывают оперативников, то одновременно с ними, а то и раньше, примчатся машины, набитые журналистами.

Из туалета вышла женщина в темно-синей жилетке и кепке. Головной убор украшали буквы «Ч» и «М», в руках уборщица несла ведро со шваброй. Неторопливым шагом она двинулась в сторону двери с надписью «Только для служащих». Я проводила ее взглядом, увидела на спине жилета слоган «Отмываем все, кроме денег» и не удержалась от окрика:

– Стойте!

Женщина обернулась.

– Вы мне?

– Да, простите, я VIP-клиент этого банка. Меня зовут Даша Васильева, а как обращаться к вам?

– Нина, – настороженно представилась уборщица, – вы хотите на меня пожаловаться?

– Ой, ну что вы, – заулыбалась я, – наоборот, я восхищена чистотой, которую вы ухитряетесь соблюдать в столь людном месте. Пол блестит! Сантехника сияет!

Из глаз Нины исчезло напряжение.

– Спасибо на добром слове, я работаю не за страх, а за совесть.

– Давно ищу домработницу, – продолжала я, – но все попадаются неряхи с косыми руками, бьют посуду, оставляют пыль по углам. Может, пойдете ко мне?

– А где вы живете? – заинтересовалась Нина.

– Коттеджный поселок «Зайкино», сто пятьдесят километров от Москвы, – лихо соврала я, – на машине можно быстро докатить!

– У меня нет автомобиля, – усмехнулась уборщица, – а на автобусе к вам не наездишься. Спасибо за предложение, но нет!

– Может, согласится кто-нибудь? – не отставала я. – Похоже, в вашей команде все безупречно работают. Возьмите мою визитку, сделайте одолжение, передайте своим коллегам. Знаете, лучше, если вызовется убирать женщина крупного телосложения, у нас надо тяжести носить.

Уборщица сняла кепку.

– Извините?

– Я отдам предпочтение высокой, крепкой уборщице, размера этак пятьдесят четвертого.

– У нас такой нет, – перебила меня Нина, водружая головной убор на место, – все худенькие.

Я понизила голос:

– Вот странно! Вчера я видела тут толстую тетю в такой форме, как у вас, она за фикусом пыль протирала. Сначала, правда, лестницу мыла, затем сюда пришла.

– Вы что-то перепутали, – сказала Нина, – этот зал я и Капитолина убираем. Вчера ее смена была, и слава богу. Кино тут снимали, весь пол изляпали. Капа полночи порядок наводила. Она совсем мелкая, вроде вас, ничего не весит.

– Кино, – оторопела я, – про шпионов?

Нина подхватила ведро.

– Вроде того, но об этом клиентам рассказывать не велено.

Я схватилась за ручку швабры.

– Пойдите. Вчера здесь было ограбление, вы хотите сказать, что оно не настоящее?

Нина поджала губы.

– Ничего не знаю.

Я полезла за кошельком.

– Я заплачу!

– Один раз возьму деньги и лишусь хорошей работы, – не дрогнула поломойка, – прощайте.

Я вернулась в зал и снова стала изображать из себя тупую тетку, неспособную правильно и быстро заполнить бланк. Если сложить воедино все сведения, добытые мной сегодня, то получается загадочная картинка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Название банка придумано автором, все совпадения случайны.

2

Все названия придуманы автором, совпадения случайны.

3

Увы, Даша не знает географии, море Лаптевых относится к Северному Ледовитому океану и находится очень далеко от Кубы.

4

Название придумано автором, любые совпадения случайны.

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/belyy-kon-na-prince>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)